

The background of the image is a dark, textured space filled with various cosmic elements. Numerous concentric circles, resembling ripples or orbits, are scattered across the frame in shades of white and yellow. Bright, multi-pointed stars are interspersed among the circles. A prominent, bright yellow and orange nebula or light flare sweeps across the middle of the image, partially obscuring the text. In the lower-left corner, a small, detailed image of the Earth is visible, surrounded by other celestial bodies and structures. The overall composition suggests a theme of space, science, or the universe.

есть то.

Есть только миг...

Лариса Матрос
...Называется жизнь

«ИП Стрельбицкий»

Матрос Л.

...Называется жизнь / Л. Матрос — «ИП Стрельбицкий»,
— (Есть только миг...)

Дилогия «Есть только миг...» — это своего рода сага о судьбе семьи прекрасной женщины-умницы красавицы, интеллектуалке — и ее двух подруг, жизненные пути которых пересекаются с раннего послевоенного Одесского детства до наших дней, что влечет для них и счастливые, и трагические последствия. Ключевыми событиями, перекраивающими судьбы основных персонажей дилогии, являются печально известные дни путча августа 1991 года в России и теракт 11 сентября 2001 года в США. Обе книги заняли 15 лет труда автора и изданы с разницей в 7 лет, на расстоянии, разделенном океаном: «Презумпция виновности» 2000 г.; «...Называется жизнь», 2007 г. Все вымышленные персонажи обоих романов — собирательные образы, их судьбы, жизненные и творческие пути (в том числе главной героини), не идентичны судьбе и жизненному пути никакой конкретной, реальной персоны. Название второй книги дилогии «Называется жизнь» взято из слов известной песни: «Есть столько миг между прошлым и будущим, Именно он называется жизнь», так как содержит обобщение того, каким же явится для героев этот «миг между прошлым и будущим», к которому они шли на протяжении более тысячи страниц обоих романов. Роман начинается с событий, которые происходят в жизни героев через 7 лет, в течение которых главная героиня с семьей (после перипетий описанных в первой книге) обосновалась в США. Здесь наряду с персонажами первой книги появляются новые, яркие личности, которые во многом определяют судьбы героев спустя семь лет. Среди них соотечественники: Данила Иванович, Рита, Грегори, американец Майк и другие. На примере переплетения их судеб предпринята попытка дать обобщение о той цене, которую вынуждены порой платить в эмиграции представители интеллигенции и в частности, ученые-гуманитарии.

© Матрос Л.
© ИП Стрельбицкий

Содержание

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	8
ГЛАВА 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Лариса Матрос ...НАЗЫВАЕТСЯ ЖИЗНЬ Социологический роман

*Берега, берега,
берег этот и тот,
между ними река моей жизни,
Между ними река моей жизни течет*

(Из репертуара А. Малинина, песня «Берега», автор текста Юрий Рыбчинский)

*«...не забывай: ты навсегда в ответе за всех, кого приручил»
(«Маленький принц». Антуан де Сент Экзюпери)*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Итак, дорогой читатель, тебе предстоит снова окунуться в наполненные радостями и горестями события нескольких лет жизни героев моей предыдущей книги «Презумпция виновности».

Так уж повелось у людей с необозримых времен — заводить календари, чтобы исчислять течение жизни, распределять ее по датам. И, безусловно, это нужно для ведения хронологии событий, подведения итогов, для анализа прошлого и составления прогнозов на будущее. И потому дат у каждого из нас всегда много. Но в том-то и дело, что даты датами, а жизнь-то одна и едина, как бы мы ее ни делили и ни распределяли. И так хитро она устроена, что мы не можем начать какой-либо новый ее этап с абсолютного нуля, ибо никогда невозможно перечеркнуть то, что было за линией, которую мы перешагнули в устремленности к переменам. При сильном старании можно уйти от всего и от всех в прошлом. Трудно, но можно. Но вся суть в том, что ни при каких условиях нельзя уйти от самого себя. Это объективная реальность, не зависящая от нашей воли и сознания.

И ты, читатель, в этом еще раз убедишься, соприкоснувшись с перипетиями судеб героев на представленном в этой книге этапе их жизни. Они разбросаны по разным берегам океана, по разные стороны планеты, разделены друг с другом и со своим прошлым немалыми масштабами в пространстве и во времени. Но ничто не может оборвать прочные нити, связующие все жизненные этапы и коллизии в то единое целое, что мы и величаем словом: «судьба».

«Презумпция виновности», как знает каждый, кто ее читал, заканчивалась вопросом.

Это был естественный этап моих «фантазий» на темы, которым была посвящена книга. И когда во время презентаций, на творческих встречах, в традиционных (бумажных) и электронных письмах читатели меня спрашивали, что будет с героями дальше, я еще не была готова дать ответы.

Но эти твои вопросы заставляли, требовали, стимулировали накапливать опыт и знания о жизни в Америке, и в том числе о жизни разных слоев наших соотечественников здесь, и, естественно, следить за всем, что происходит в России и в мире. И вольно или невольно я постоянно «включала» моих вымышленных героев в реальность, в достижения и потрясения современности. И когда что-то в моих обобщениях «настоялось», я позволила взять на себя смелость ответить на вопрос: «А что будет с моими героями?» после событий в их жизни, которыми завершается «Презумпция виновности». И хотя, как и в первой книге, в этой — все персонажи вымышлены и собирательны, они, как и то, что с ними происходит, основаны на исследованиях реальных прототипов людей и сюжетов из их жизни.

Тебе, дорогой читатель, судить о том, что у меня получилось, насколько оно достойно твоего внимания. Но для автора творческий процесс как таковой самооценен. И спасибо тебе за то, что ты меня вдохновил на этот труд!

Лариса Матрос

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Небо покрылось темными тучами и отражалось в воде леденящей сталью. Волны, начав игриво щекотать борта корабля, очевидно, остались недовольными его неуязвимостью. Потому они с нарастающей агрессивностью беспощадно били судно, заставляя его наклоняться в разные стороны до угрожающего ему и обитателям уровня...

Внезапный шторм сменил у пассажиров одержимость в преодолении страха на апатию. И если в начале пребывания здесь они избегали общаться и смотреть в глаза друг другу, словно стыдясь того, что с ними произошло, то теперь всячески демонстрировали свою общность, взаимопонимание и молчаливое соглашение не впадать в панику. Вопреки угрозам моря, они расположились в большом центральном салоне, обсуждая насущные проблемы России и ее будущего.

Инга Сергеевна стояла одна у окна закрытой палубы. На ней было длинное шерстяное черное с белой отделкой платье, которое подчеркивало стройность и грациозность ее великолепной фигуры. В тон платью были белые шнурованные полусапожки, белая с черной отделкой сумка. Завершала туалет черная, окантованная белой лентой шляпа с большими полями, которые отчетливей вычерчивали ее красивое лицо с мраморной кожей и большими сине-зелеными глазами, окаймленными длинными, черными, как и волосы, ресницами.

Она смотрела на море с ощущением обреченности, в котором уже не было места страху. Выросшая у моря, она с детства знала, что нельзя долго смотреть с корабля на волны во время шторма, чтобы избежать головокружения и тошноты. Но она отрешенно смотрела в окно, демонстрируя морю, что готова отдаться во власть судьбы.

Она не могла не видеть, что пассажиры, с которыми она оказалась на этом корабле, с завидным самообладанием расположились в салоне и ведут беседы. Ее манила эта компания, но она не решалась присоединиться к ним.

Это был цвет российской интеллигенции из разных сфер общественной жизни и знаний, в том числе и ярчайшие представители философской мысли XX века: Н. Бердяев, Н. Лосский, С. Булгаков... многие, многие другие, и в том числе наиболее знакомый ей своими трудами известный социолог Питирим Сорокин. Инга Сергеевна знала, что они здесь в связи с высылкой из России. Эта высылка — наказание, заменившее расстрел.

Когда-то Инга Сергеевна готовила доклад «Об ответственности общества перед интеллигенцией и ответственности интеллигенции перед обществом» для выступления на философском семинаре по приглашению академика Остангова в институте, который он возглавлял. При подготовке к докладу перечитала массу литературы по теме, в том числе и сюжеты, которые в деталях открыли драматизм тех событий. В статье М. С. Геллера в журнале «Вопросы философии»? 9, 1990 г. были такие слова: «Один из высылаемых вспоминал, что при посадке на пароход на лицах провожающих было изумление и тоска: ни один человек, как и мы сами, не мог, по-видимому, понять смысла нашего странного наказания — высылки за границу, — в то время, когда каждый почел бы для себя за спасение уход из советского эдема».

В этом был парадокс их трагедии, вспоминала Инга Сергеевна свои тогдашние записи: «Каждый почел бы за спасение уход из советского эдема», в то время как каждый не хотел уезжать из страны, потому что думал не о своем личном спасении, а о спасении всего Отечества от тех бед «советского эдема», которые им уже виделись тогда, потому что глубокие знания, исследования и понимание того, что происходит, позволяли им быть провидцами.

Именно потому эта «высылка-спасение» была наказанием, как с позиции высылающих, так и с позиции высылаемых.

В памяти воскресли те дни, когда социологи, в силу открывшихся в хрущевскую оттепель возможностей, энергично принялись изучать еще недавно недоступные труды многих из присутствовавших на корабле. Однако и тогда, в середине шестидесятых, нереальность достижения подлинной свободы стала проявляться в нападках со стороны блюстителей «принципов» на тех социологов, которые пытались «теорию стратификации» Питирима Сорокина считать более достоверно объясняющей социальную структуру общества, чем марксистская «теория классов». Обращение же к идеям философа по теории конвергенции вообще считалось почти крамолой.

И вот она здесь, вместе с ними, с этими знаменитостями, с которыми можно непосредственно пообщаться. Она и сама много усердия отдала гуманитарной науке, будучи юристом, социологом, доктором философии... У нее есть о чем поговорить с ними... Но все дело в том, что она знала их, а они ее — нет. И ее останавливала неуверенность в том, захотят ли они с ней общаться. Пути, приведшие их на этот корабль, были разные: они — высланы, высланы государством в лице высших представителей власти, по спискам, контролируемым самим Лениным, а она здесь — добровольно, по собственному решению. И ей казалось, что узнай это, они ни за что не захотят общаться с ней.

Инга Сергеевна уже не понимала, от чего плохо себя почувствовала — то ли от качки, то ли от глубокого душевного дискомфорта и отчаянного одиночества. Головокружение, тошнота вынудили ее все же покинуть палубу и расположиться на диванчике другого маленького салона, где она снова оказалась одна. Она облокотилась на мягкую спинку, закрыла глаза. Через какое-то время вздрогнула, сообразив, что качка погрузила ее в дремоту, которая только усилила плохое самочувствие.

Никого не было вокруг, чтобы попросить хотя бы стакан холодной воды, потому, преодолевая физиологический дискомфорт, она решила снова вернуться на ту же закрытую, но прохладную палубу. Идти было трудно, и от падения ее спасла большая бочка, за которую она ухватилась. Остановившись, она с опаской глянула в окно. Корабль еще сильно качало, но нельзя было не заметить, что солнце, преодолевая натиск облаков, возвращало морю прирующий ему сине-зеленый цвет и умирало его свирепость. Теперь уже казалось, что игра океана с кораблем была затеяна для того, чтобы взбодрить его томящихся пассажиров. А волны, словно недовольные тем, что использованы впустую, нехотя отступали, отплевываясь все меньшей силы плевками...

Инга Сергеевна стала смотреть по сторонам, чтобы разглядеть поблизости место, где бы можно было присесть, и увидела приближающегося стройного мужчину примерно возраста Иисуса Христа. Он был строен и привлекателен. Тщательно зачесанные вверх волосы красиво обрамляли большой лоб и подчеркивали правильность черт лица. А очки и отогнутые на темный пиджак кончики воротничка белоснежной сорочки придавали всему облику незнакомца строгость и академичность. Вдруг Инга Сергеевна сообразила, что это не кто иной, как Питирим Сорокин. Глубокий взгляд его умных, пытливых глаз, казалось, был устремлен на нее и вызвал чувство страха из-за того, что он потребует объяснения, как она оказалась на этом корабле.

Она мгновенно повернула голову в противоположную сторону, делая вид, что не придавала значения появлению на палубе незнакомца ей человека.

Но что-то невероятное произошло в этот момент. Острое чувственное ощущение словно поглотило все ее тело и исстрадавшуюся душу. Она застыла, не желая шевельнуться, дабы не нарушить это волшебство душевного и телесного состояния. Голова продолжала кружиться, но это было иное, чем от качки, головокружение. Это было головокружение от

всепоглощающей любви и ощущения себя любимой. Затем она почувствовала, что тихо, осторожно поворачивается в кругу замкнутых сильных рук мужчины, обнимающего ее со спины.

Оказавшись с ним лицом к лицу, она остановилась и хотела ему что-то сказать, но горло не реагировало на ее усилия. Что-то мешало ему издавать звуки. Она смотрела в глаза хорошо знакомого и в то же время неизвестного мужчины и ощущала все большее растворение своего тела в нем. Тут она почувствовала, что может все же заставить горло с нежностью произнести его имя, но оно показалось каким-то неадекватным назначению. Для официального и непривычного — Питирим — она не могла найти ласкательного эквивалента и потому молча уткнула лицо в его плечо и заплакала слезами любви, на которую, считала, уже не была способна.

— Не надо, не надо плакать, — произносил он, прижимая свою щеку к ее щеке и все крепче обнимая ее. — Все будет замечательно. Мы все преодолеем. Ничто не пропадает в этой жизни. Все, что в нас есть, наши знания, наш опыт, трудолюбие — все еще послужит нам и людям, человечеству. Я уверен в этом. — Он остановился. Затем тоном, каким взрослые рассказывают детям сказки и разные истории, продолжил, еще сильнее прижавшись щекой к ее щеке. — Я знаю, почему ты не решалась с нами общаться.

Ты считаешь, что мы попали сюда разными путями. Нас выслали, выставили, а ты — сама, добровольно. Но это неверно. Ты заблуждаешься. Тебя тоже выставили, только в другой форме, не так явно.

Эмиграция в большинстве случаев — это высылка, потому что она является следствием причин, которые тебя выталкивают, если не силой, как нас, оказавшихся на этом корабле, то общим потоком неудовлетворенных жизнью, не видящих перспектив, запуганных разного рода войнами, конфликтами. Но какими бы путями ни оказались эмигранты на чужой земле (высланными, бежавшими или уехавшими добровольно), эмиграция — это всегда риск, всегда преодоление, требующее огромных усилий, смелости и дерзости. Это всегда ломка привычных стандартов жизни, к которым привык, адаптация к новому образу жизни, культуре, языку общения.

Сколько страданий претерпели представители высшего российского общества, его цвет, вытолкнутые большевистским переворотом? А сколько пришлось преодолеть первым американским поселенцам, так называемым пилигримам, которые бежали в Америку от религиозных преследований последователей протестантской религии в Англии, чтобы жить свободно! Около половины из них умерло в первую тяжелую зиму на новой Земле, где они закладывали основы демократического устройства общества.

— Он остановился, повернул голову к морю, которое все более умиротворялось, и, устремив взгляд куда-то вдаль, продолжал тоном философа-мудреца, к которому устремлены взгляды огромной воображаемой толпы слушателей. — Эмиграция — это часто поиск спасения, пути выживания не только в физическом смысле этого слова, но и дерзновенный поиск нравственно-духовного выживания, которое дает свобода... «И... что бы ни случилось в будущем, я знаю теперь три вещи, которые сохраню в голове и сердце навсегда: Жизнь, даже самая тяжелая, — это лучшее сокровище в мире. Следование долгу — другое сокровище, делающее жизнь счастливой и дающее душе силы не изменить своим идеалам. Третья вещь, которую я познал, заключается в том, что жестокость, ненависть и несправедливость не могут и никогда не сумеют создать ничего вечного ни в интеллектуальном, ни в нравственном, ни в материальном отношении...»

Для Инги Сергеевны было очень важно то, что говорит авторитетнейший философ. Он словно отвечал на мучившие ее вопросы. Но сейчас... сейчас она не хотела отвлекать свои эмоции от ощущения блаженства в его объятиях. Сейчас он был для нее только мужчиной, которого она желала как женщина. Она слегка отстранилась, высвободила руку, прижатую к его груди и, выражая взглядом всю жажду любви, нежно прислонила ладонь к его губам. И

он, поняв ее... замолк, еще сильнее прижавшись к ее телу, покрывая поцелуями губы, шею, каждую частичку ее лица. Когда его губы коснулись ее глаз, они показались столь горячими, что она сильно зажмурилась...

* * *

ИНГА сильно зажмурила глаза, затем открыла и снова закрыла, чтобы не притупить всю остроту счастья от близости с мужчиной, который, казалось, явился к ней для того, чтобы вознаградить тем, для чего только она, быть может, была создана, но чего недополучила в жизни, — подлинной любовью.

Она протянула руки к его лицу, которое хотела приблизить к своему, но с ужасом ощутила пустоту. Руки ее поднимались и падали, не найдя того, к чему были устремлены. Она испуганно открыла глаза, снова зажмурила их и вдруг поняла, что жар глазам сообщали не губы влюбленного в нее и любимого ею мужчины, а назойливый луч солнца. Она уткнулась лицом в подушку, которую отчаянно начала избивать кулаками, и, устав, заплакала.

Она заплакала жалобно, как ребенок, у которого внезапно из ручки вырвался любимый воздушный шарик. Явь неотступно заявляла о себе, но ни тело, ни душа не хотели расставаться с волшебным сном и были охвачены сексуальным возбуждением.

Инга с ненавистью глянула на окно, пропустившее этот неуместный, нахальный луч-разлучник и пожалела, что не зашторила на ночь окна. Она обычно не затемняла их (обрамленные с обеих сторон тяжелым гобеленом) с ранних весенних дней, так как бодрость, прилив энергии придавало пробуждение от естественного света, особенно, когда оно озарено лучами солнца.

Уже семь лет она не должна была отправляться рано утром на работу или по общественным делам, но с привычной всю жизнь обязанностью вставать рано так и не рассталась. В отличие от предыдущей активной научной и общественной жизни в России, здесь, в Америке, Инга могла себе позволить не подстраховываться «беспардонным» будильником, а для пробуждения надеяться только на утренний свет, появляющийся в окне в соответствии с вечными законами природы.

А сейчас она ненавидела это установленное ею правило и, вопреки своим материалистическим взглядам, непременно хотела вернуться в сон, так как была еще полностью во власти того, что испытала в нем. Она вскочила с постели и с остервенением задвинула светонепроницаемые шторы, в результате чего спальня погрузилась во мрак. Она тут же улеглась в постель, накрылась с головой одеялом и замерла с неукоснительной верой, что погрузится в этот же сон. Но, вопреки ее желанию окунуться в мистику, пробуждение все более нагромождало мыслями и проблемами повседневной реальности, и ей стало одиноко, тоскливо и неуютно в затемненной спальне.

Она вяло подошла к окну, раздвинула шторы, и солнечный луч, который ранее всегда радовал ее, теперь вызвал озлобленность и раздраженность. Она направилась в ванную комнату, снабженную большим, просторным гардеробом, чтобы переодеться для бассейна.

Раздался звонок. Инга подняла трубку телефона и услышала голос мужа. Саша, пребывающий на каком-то особенном эмоциональном подъеме, справился о самочувствии жены и в игривой форме пожелал жене справиться с подготовкой к приему гостей у них дома вечером.

Только она положила трубку, раздался новый звонок. Эта была Аня. Ее голос тоже был преисполнен счастья, и она сообщила, что Игорь уже все подготовил к тому, чтобы оформить документы для поездки в Россию весной следующего года. Пока он планирует их пребывание на год, а там видно будет. Инга давно слышала от зятя о его проектах перевести часть бизнеса в Россию, но не хотела верить, что это всерьез и реально. И вот...

Когда Игорь, глядя на своих быстро богатеющих ровесников, бросил университет, где он работал с момента приезда в США, и занялся собственным бизнесом, Инга с мужем были расстроены. Они хотели видеть в зяте, ставшем в России в 25 лет кандидатом математических наук, известного процветающего ученого с самым надежным в Америке статусом — полного профессора, для чего, по их понятиям, у него были все шансы. Но он изменил все свои планы, занялся бизнесом, который пошел, можно сказать, с самого начала успешно. Не только математический, но и житейский талант помогали Игорю «вычислять» ситуацию на рынке в прошлом, настоящем и будущем, что обеспечивало успех его все расширяющемуся делу.

— Мам, я так счастлива! — говорила Анюта повышенным от восторга голосом. — Я рада, что Катюшка будет учиться в московской школе.

Мать, с одной стороны, искренне радовалась счастью дочери, ее удовлетворенности жизнью и новым перспективами. С другой — вынуждена была с грустью констатировать, что Анюта, выражая радость от предстоящего отъезда, ничем не проявила тоску о том, что она снова будет разделена с родителями океаном, через который они семь лет назад перелетели ради нее, с самой вершины своих карьер в новосибирском Академгородке, которому отдали лучшие годы жизни.

В Америке им не довелось устроиться в одном городе. Но все же расстояние их разделяло небольшое — около часа перелета или около шести часов на машине, что позволяло им часто видеться и бывать вместе на семейных торжествах, праздниках, а Катюшке — проводить у бабушки с дедушкой летние, зимние, осенние и весенние каникулы.

По календарю осень уже перевалила за вторую половину, но в этом штате жара не перестала быть основной характеристикой погоды. Инга вышла за порог спальни и бросила в витиеватой формы водоем надувной матрас. Лучи солнца усиливали сверкание воды при малейшем ее колебании, что придавало бассейну вид подлинного, но сказочных размеров изумруда.

Инга стремительно погрузилась в воду, чтобы мгновенно преодолеть разность температур между водой и телом, но плавать, вопреки ежеутреннему правилу, не стала, а улеглась на матрас, отдавшись вместе с ним во власть движения воды. Легкое покачивание опять воспроизвело ощущения прошедшей ночи, и щемящая тоска по необратимой утрате в своей жизни чего-то существенного, важного повергла в уныние.

«Впадать в уныние — большой грех», — вспомнила она предостережения многовековой мудрости и стремительно прыгнула в воду. Освежившись, она, легла в тенистое место на покрытый красочной махровой простыней шезлонг.

Комфорт и красота окружали ее и поднимали настроение.

— Что дурью маяться, — сказала она себе строго, словно смахивая с души и тела эти неуместные, почти крамольные ощущения, спровоцированные сном. — Живу как в раю, муж на постоянной позиции полного профессора в университете, где пользуется почетом и уважением.

Солидная университетская зарплата и консультантская деятельность в фирмах обеспечили материальный достаток такого уровня, на который они даже не рассчитывали, когда приняли решение поехать в США на работу в драматические дни августа 1991 года.

Дорого обставленный трехэтажный дом с пятью спальными комнатами, большим садом и бассейном; путешествия по миру, одежда из дорогих магазинов. В их, соответственно дому, большом гараже умещались три дорогие машины — мужа, ее и третья — микро автобусик на случай путешествий с семьей дочери или с гостями, которых у них бывало немало из разных стран, в том числе и из России. Можно сказать, беззаботная, благополучная жизнь в свое удовольствие в стране изобилия, где мало кому понятно, что такое

дефицит, стояние в очередях или толкотня в невыносимо холодном или, наоборот, жарком автобусе, трамвае.

Даже этот теплый климат, когда в октябре еще можно купаться в бассейне и загорать — не есть ли компенсация за долгие годы в холодной Сибири?!

Со школьных лет Инга всегда страдала от нехватки времени из-за перегруженности учебной, общественной работой, научной, организационной работой; из-за вечного «писания» чего-нибудь (докладов, диссертаций, книг, статей, отчетов), вечного неизбежного расходования времени на быт. И вот: нет работы, нет необходимости корпеть над статьями, книгами, нет необходимости тратить время на быт, заботы о котором здесь у них распределены между еженедельно приходящей уборщицей-мексиканкой и моющими, стирающими, чистящими, перемалывающими, выжимающими, взбивающими машинами. Лежи себе и кайфуй у бассейна, радуйся жизни, читай сколько хочешь и чего хочешь, или разъезжай на машине...

А сегодняшний день обещает быть одним из тех, которые были особо милы ее сердцу, так как вечером к ним домой на прием вместе с американскими коллегами Саши по кафедре придут гости из России. Это — незнакомые ей ранее коллеги мужа, которые прилетели несколько дней назад.

«Только бы Саша не пригласил этого Анатолия Болтунского», — подумала Инга, досадуя на себя за то, что не попросила об этом мужа заранее.

Муж всегда приглашал Болтунского на русско-американские вечеринки у них дома, хотя знал, что жена недолголюбивает его. Инга не скрывала своих антипатий к этому человеку с первых встреч с ним в их ранней академгородковской молодости.

Анатолий работал в одном из институтов, с которым как математик сотрудничал Саша. На поприще этого сотрудничества, которое по традициям жизни Академгородка всегда сопровождалось вечеринками, посиделками у костра, Инга и имела неудовольствие встречаться с Болтунским.

Он был антиподом ее представления об интеллигенте, личностные характеристики которого должны соответствовать двум основным критериям: высокой нравственности и культуре. Болтунский не отличался ни первым, ни вторым. За ним вечно плелся хвост интриг, сплетен на почве зависти ко всем, кто преуспевал больше его в науке.

Он, безусловно, был человеком способным и образованным, но мешала ему, по мнению многих, неаккуратность. Неаккуратность во внешнем облике, в отношении к людям, к работе, над чем он никогда, возможно, не задумывался. В принципе, его можно было не без серьезных оснований отнести к неудачникам. Природа не наделила его привлекательными внешними данными, потому он любил в шутливой форме (за которой скрывал вполне серьезную самооценку) повторять известное изречение:

«Всякий мужчина привлекателен, если он чуть красивей обезьяны».

Он был действительно чуть красивей обезьяны, но его концепция на сей счет позволяла ему небезуспешно претендовать на красивых женщин, каковыми были его первые две жены. Но ни первый, ни второй брак ему ни счастья, ни детей не принесли. Очевидно, внутреннюю красоту и наложность, которая, по утверждений Анатолия, скрывалась за его неброской, мягко говоря, внешностью, красавицы не обнаруживали и разочарованно его покидали, к счастью, необремененными потомством.

Когда же он понял, что жены-красавицы ему не под силу, а причины отсутствия детей кроются в нем, он после последнего развода долго опасался вступать в брак, ведя при этом отнюдь не отшельнический образ жизни. В этот период он любил часто повторять: «Раньше у меня были жены красавицы, но дуры, теперь я найду себе дурнушку, но умницу». Однако его замыслу не дано было осуществиться, и в канун отъезда в Америку он женился на женщине уже далеко не юного возраста, не красавице и не дурнушке, не умнице и не дуре, очень средней, серой особе, к тому же такой же бездетной, как и он сам.

Кто-то злословил по этому поводу, утверждая, что Болтунский, хоть и ожидает в Америке головокружительных успехов, но на капризных и независимых американок не собирается делать ставку, потому и поторопился туда поехать с нашей, надежной и неприхотливой женщиной.

Тома, как звали новую жену Анатолия, в Академгородке работала в том же, что и муж, институте, клерком информационного отдела. Она была из простой, бедной семьи, всеми корнями вросшей в Сибирь. Ура-патриотично настроенные (при традиционном «совковом» негативном отношении к эмигрантам) родственники не выражали особого восторга в связи с отъездом Тома «за бугор». Но молочные реки и кисельные берега, на которые рассчитывал Анатолий в Америке, внушали Томе надежду на то, что она сможет материально помогать родственникам и этим оправдаться перед собой и перед ними...

Но и в Америке у Анатолия не складывалось. По велению судьбы он оказался почти одновременно с Сашей в одном университете, только на разных кафедрах и совершенно разных позициях. Благодаря стараниям коллег, которые позвонили Саше в дни путча с предложением приехать, и удачному раскладу (отъезду в другой штат одного из профессоров кафедры и освобождению его места) Александр Дмитриевич сразу оказался на постоянной, высокооплачиваемой, трудно достижимой для эмигрантов «не юного», скажем так, возраста должности полного профессора.

Болтунский же, который приехал со статусом беженца, оказался в ситуации, к тому времени ставшей почти типичной для ученых, попавших в США во времена перестройки. Открывшаяся небывалая никогда ранее возможность выехать за рубеж при развале устоявшейся системы финансирования и стимулов научной деятельности в СССР лавиной обрушила на западные страны, и, прежде всего, Америку, огромное число ученых, которые могли бы принести большую пользу университетам, как в преподавательской, так и в научно-исследовательской сферах. Но объективно университеты не могли удовлетворить такой огромный спрос на рабочие места. И потому ученые, даже высокого ранга, вынуждены были соглашаться на любые, порой весьма кабальные и нестабильные (по критериям перспектив) условия.

Именно в такой ситуации оказался Болтунский. Он был принят на позицию «research professor», что означало сравнительно невысоко оплачиваемое место. Но самым негативным было то, что это место было не постоянным и могло в любой момент исчезнуть, поскольку его финансирование в основном обеспечивалось за счет грантов, которые этот «research professor» должен был регулярно заявлять в соответствующие органы и организации. Однако трудоемкая, кропотливая работа по оформлению заявок на гранты тоже не гарантировала позитивного результата, поскольку по существу любая заявка на грант — это заявка на участие в конкурсе.

Потому Болтунские жили очень скромно, в арендованных недорогих апартаментах, и ездили на старой машине. На вторую машину у них денег не было, и Тамара без знания языка томилась от безделья, ненужности. Это определяло ее постоянно плохое настроение и угрюмость. Без детей и за сравнительно короткий срок совместной жизни, они не стали друг другу родными людьми, у которых принято безропотно делить вместе все трудности. Поэтому порой казалось, что жена просто мстит Анатолию за обманутые надежды и не желает учить язык, работать, чтобы он за все расплачивался сам в прямом и в переносном смысле слова. Естественно, что Болтунского угнетало их положение, он постоянно рассылал свое резюме в разные университеты и фирмы в поисках постоянного и хорошо оплачиваемого места.

Саша искренне сочувствовал академгородковскому земляку. Он писал ему рекомендации, пытался протектировать, пытался чисто по-дружески обогревать соотечественника вниманием и потому всегда приглашал домой на встречи с учеными, зная даже, что Инга его

недолюбливает, не переносит его ехидные шуточки, гнетущую угрюмость и нескрываемую зависть его жены.

И сейчас Инга расстроилась при мысли, что Болтунский может оказаться у них именно сегодня и испортит ей ожидаемый праздник.

«Ну что это я сама нагнетаю себе плохое настроение, — недоумевала она в свой адрес. — Ведь все нормально, хорошо, замечательно. Ничего не произошло».

Она энергично встала, снова вошла в воду и, освежившись изумрудной прохладой, в улучшившемся настроении пошла в ванную комнату, чтобы полежать в джакузи. Ласкающие струи теплой воды массировали ее изрядно располневшее тело. Она стала думать, что бы ей надеть, чтобы выглядеть поизящней перед русскими гостями, и видения сна, где она так явственно ощущала себя, как прежде, изящной, стройной, сексуальной, опять вызвали щемящую тоску по себе в той жизни, где у нее были стимулы быть всегда в форме...

Порой уже казалось, что и не было той, прежней жизни, что не с ней все было — получение диплома юриста, защита кандидатской и докторской диссертаций, заведование большим перспективным отделом в академическом институте, почет и уважение со стороны руководства и подчиненных, конференции и семинары. Ежедневно наполненная волнующими событиями творческая жизнь и... поздняя любовь, короткий тайный роман с академиком Останговым... Любовь как награда всей ее жизни, кульминация ее успеха как личности и как женщины, которой она пожертвовала ради того, чтобы не жить по разные стороны океана с дочерью.

Первое время проживания в Америке Инга старалась отбрасывать любые душевные движения, напоминающие обо всем этом. «Так распорядилась судьба, значит, нужно принимать жизнь такой, как она сложилась, и не оглядываться назад, тем более что сложилась жизнь наилучшим образом», — рассуждала она.

И вот этот сон! «Почему, почему он спровоцировал эту встревоженность, эту тяжесть на душе? Почему так хочется разрыдаться, выплеснуть все, что накопилось. Но что накопилось? Кому сказать?»

Сердце защемило от сдавившего его внезапного горького осознания, насколько изменилось отношение к ней мужа. Внешне все вроде бы было хорошо, не придерешься. Но все же, все же... Нужно быть слепым и тупым, чтобы не видеть существенных перемен.

Саша меньше стал советоваться с женой, меньше беседовать с ней о событиях в мире, об отношениях с людьми, их окружающими, почти полностью перестал рассказывать о своей работе, в то время как прежде взаимный обмен важными моментами творческой жизни каждого был основным правилом их жизни. Все в поведении мужа демонстрировало, что теперь он смотрит на жену, как на несведущую в этой «заграничной» жизни домохозяйку. Потому он почти перестал считаться с ней, а ее желания как-то постепенно перестали быть для него приоритетными.

Ход тяжелых мыслей прервался, когда Инга обнаружила, что так и лежит в совсем остывшей, шумящей и бьющей струями воде. Она вышла из ванной и после обычных гигиенических и косметических процедур зашла в кухню выпить кофе и приступить к делам, связанным с предстоящим приемом гостей.

Время приближалось к десяти утра, и солнце, которое ее так некстати разбудило, теперь, словно специально, чтобы поднять ей настроение, озаряло стекло, мрамор и гранит кухонного убранства. Огромное открытое окно, выходящее в их сад, являло, как прекрасную картину на стене, изумрудный бассейн, окруженный роскошными цветочными клумбами.

«Как не стыдно думать о чем-то грустном, о неудовлетворенности при такой жизни?!» — молча воскликнула Инга с негодованием в свой адрес и включила расположенный здесь же в кухне небольшой телевизор. По русскому каналу показывали запись какого-то большого концерта, в момент включения телевизора выступала незнакомая ей молодая певица Таня

Буланова. Слушать незнакомку не хотелось, но она решила, что, если после нее не появится кто-то из любимых звезд (Пугачева, Малинин, Леонтьев), выключит телевизор. Но выражение лица певицы, слова песни и музыка настолько взволновали, что, позабыв о завтраке, о делах, Инга как вкопанная остановилась перед телевизором, довольная тем, что никто не мешает дать волю слезам.

На хороших людей и плохих
Всех делила ребячья порода.
Мы играли в пиратов лихих
И отважных бродяг мореходов.
Забывалась любая беда
И терялась в далеком просторе,
И не верили мы никогда,
Что кончается, что кончается
Что кончается синее море.

Ты была заводилой у нас,
Черт морской в полинялой рубашке,
Ты водила отцовский баркас
По бушующим волнам бесстрашно.

Сумку школьную прочь отшвырнув,
Ты сидела верхом на заборе,
И кричала, к биноклю прильнув:
«Не кончается, не кончается
Не кончается синее море».

Но однажды приплыл пароход
За тобою незвано, неожиданно
И какой-то Синдбад-Мореход
Вдруг увез тебя в дальние страны.

На прощание ты, как всегда,
Закричала: «Увидимся вскоре,
Потому, что у нас никогда
Не кончается, не кончается
Не кончается синее море»

Позабыть мы тебя поклялись,
Мы тебе не прощали измену,
Но взметнулся в тревожную высь
Крик чужой пароходной сирены.

А потом прилетело письмо,
Как совсем неприкрытое горе,
Было в нем откровенье одно:
«Здесь кончается, здесь кончается
Здесь кончается синее море», —

пела Буланова, с поражающе щемящей грустью в глазах. «Что может знать это юное существо о том, где и когда «кончается синее море», — подумала Инга, вволю предавшись рыданиям.

* * *

ЛИНА сидела в полутемном зале ресторана и чувствовала жар на своих щеках. Подкрашенные, ухоженные, уложенные в красивую прическу золотистые волосы и элегантный, кофейного цвета брючный костюм омолаживали весь ее облик, а лучистые огромные карие глаза с удивлением младенца, познающего мир, смотрели на окружающую обстановку. Она выпила только немного коньяка, но с непривычки сразу почувствовала легкое головокружение и решила, что пить ей больше не следует. Однако сидящий с ней за столом атлетического сложения крупный блондин заказал еще бутылку шампанского, которую официант еле пристроил на переполненном деликатесами и бутылками с разными напитками столе. Зазвучал дивный голос Александра Малинина:

«Плесните колдовства в хрустальный мрак бокала,
В расплавленных свечах мерцают зеркала...»

Лину охватила щемящая тоска об ушедшей молодости, от том, что она так мало танцевала в жизни, отдав всю себя мужу и четверым детям. Очевидно, ее настроение отразилось в выражении лица, потому что мужчина участливо спросил:

— О чем вы грустите, Галина Петровна?!

— Да нет, ни о чем. Просто музыка подействовала...

— А расскажите мне что-нибудь о себе, раз уж мы оказались в такой обстановке, — сказал проникновенно мужчина. — Ведь я, по сути, ничего не знаю о вас. Вот собираюсь вас в Америку отправить в командировку, о чем мы говорили. Я же должен знать о вашем моральном облике. — Эти слова вызвали у самого Данилы Ивановича такой хохот, что он вынужден был сделать несколько глотков воды, чтобы прийти в себя. А Лине в этом хохоте открылось что-то детское, непосредственное в начальнике, вызывающее к нему доверие.

— Ох, Данила Иванович! — сказала она, глубоко вздохнув. — Если б несколько лет назад мне кто-то сказал, что я поеду в Америку, пусть даже в командировку, я, поверьте, посчитала бы его своим врагом.

— Да что вы, Галина Петровна! Почему? Вы так ненавидите эту страну?

— Тогда, тогда... я ее ненавидела лютой ненавистью...

— А сейчас?

— А сейчас... Сейчас... — Лина задумалась на мгновение и, опустив голову, сказала: — Не знаю. Не зря говорят, что время залечивает раны...

Данила Иванович почувствовал, что затронул болезненную для собеседницы тему.

— Давайте-ка выпьем за вашу успешную командировку в Америку! — сказал он с торжествующей улыбкой, довольный, что нашел способ увести разговор. — Вот когда американцы примут наши условия и подпишут контракт, который нам сулит большие прибыли, мы полюбите Америку, я вам гарантирую. Тем более что занятия английским вам пошли на

пользу, как я понял. У вас еще есть несколько месяцев для подготовки, и вы сможете с иностранцами спикать на их языке.

Лина улыбнулась, отметив какую-то особенную возбужденность своего босса, на которую, казалось, он, всегда сдержанный, даже суровый, не способен. Она в ответ протянула к его бокалу свой, из которого затем отхлебнула небольшой глоток шампанского...

«Звуки музыки звучат, вижу ваш случайный взгляд,
молодой человек, пригласите танцевать!
Пригласите, пригласите, пригласите,
и ладонь мою в руках своих зажмите,

— зазвучал прокуренный голос ресторанной певички.

— Галина Петровна, а почему бы и нам не потанцевать! В конце концов, у нас есть повод повеселиться! Вчера подписали контракт с европейцами. Вы с Соколовым поедете подписывать контракт с американцами. Скоро наша фирма выйдет на совершенно новый уровень бизнеса! — Он встал и подошел к Лине, подавая ей руку.

Все произошло так неожиданно, что Лина не успела опомниться, как оказалась в объятиях своего «босса», ведущего ее в танце. Алкоголь и, казалось, атрофировавшиеся уже чувственные ощущения кружили голову.

Танец закончился, и они вернулись к столу. Еще находясь во власти музыки и прикосновений, они сели за стол молча, и, чтобы разрушить паузу, теперь уже Лина подняла свой недопитый бокал.

— Данила Иванович, — заговорила она проникновенно. — Спасибо вам за все! Вы изменили мою жизнь. Ведь я больше года не могла найти работу после смерти мужа. Все фирмы искали на должность референта молодых, длинноногих. А вы не только приняли меня в вашу фирму, но еще дали возможность выучиться патентному делу и английскому. Теперь у меня профессия, я независимый человек... Не знаю, что бы со мной было, не попади я к вам на работу...

— Да что вы, Галина Петровна, не надо меня благодарить. Я сам был заинтересован взять человека без гонора, который бы выучился и был предан моей фирме. Я уже нахлебался этих молодых, длинноногих. Каждый раз, когда заходила в кабинет, она не о деле думала, а предлагала себя. Казалось, хотела одного — уложить меня в свою постель. Сейчас время работать, если хочешь добиться успеха. И, короче говоря, я решил, что буду искать солидную женщину, чтобы работала! И тут явились вы, «как гений чистой добросовестности», если можно так перефразировать Александра Сергеевича. Вы пришли такая худенькая, маленькая, смущенная, как будто милостыню просить.

— А я и просила милостыню, — перебила Лина с грустной улыбкой. — Ведь для меня работа была почти то же, что для нищего кусок хлеба. А худенькой, маленькой стала от горя после смерти мужа. А до этого, — вы бы не поверили, — килограмм 80, не меньше, весила и никак не могла похудеть. А горе меня мгновенно «похудело». А маленькой была из-за опущенных плечей в прямом и переносном смысле...

— Это неважно, — перебил ее начальник, — я рад, что не ошибся, приняв вас. Более того, вы превзошли все мои ожидания. Вы сейчас уже бесценный работник. — Он, подлив шампанского в ее бокал, протянул свой, этим призывая еще выпить. — А знаете, — продолжил Данила Иванович уже веселым, игривым тоном, — я даже рад, что вы ненавидите Америку. Теперь я спокоен, что вы там не останетесь, — он громко расхохотался от своих слов и резко остановился, спросив: — А все же, что тому причиной, если не секрет?

— Понимаете... Как вам сказать... — Лина подбирала слова. — Я пережила жуткую драму, о которой можно было бы написать целый роман. Но никто, кроме моих двух подруг

и дочери одной из них, не знает об этой драме по сей день, хотя она случилась очень давно. Вы единственный теперь во всем мире тоже узнаете, — сказала Лина, жалобно посмотрев на собеседника, словно моля его о хранении тайны, которую ей уже самой захотелось выплеснуть наружу. — Это очень длинная история, — продолжила она, опустив голову.

Данила Иванович молча подлил ей шампанского в бокал, и она, механически отпив немного, продолжила.

— Когда-то давно, тридцать лет назад, когда я ждала второго ребенка, мой муж, очень успешный в карьере ученый, тогда уже без пяти минут доктор наук, получил полногабаритную квартиру в Академгородке и я решила справить новоселье со своими подругами.

Это были мои школьные подруги. Кстати сказать, в далекие школьные годы нас сдружило то, что среди одноклассников нас троих «избрали» самыми красивыми девочками в школе в нашем потоке. — Лина покраснела и засмеялась с выражением неловкости, как бы ища снисхождения у собеседника за нескромность. — Нет, конечно, наша дружба была не на этом основана. — Лина улыбнулась. — Мы дружили очень красиво и искренне. Правда, после школы нас вначале всех разбросало. А потом волей судьбы мы с мужем оказались в Академгородке, где к тому времени уже жила с мужем вторая из нас — Инга... А третья, Нонна, продолжала жить в нашем родном городе Одессе.

— О, Одесса! Одесса! Я там много раз бывал. У меня там друзья, — перебил Данила Иванович с выражением восторга на лице. — Обожаю этот город веселых людей. А пляжи! Ой, извините, Галина Петровна, извините, что перебил. Продолжайте, я весь внимание.

— И вот мы все собрались в Академгородке у меня на новоселье, — продолжила Лина. — Я была беременна вторым ребенком. Подруги мне помогали весь день, и мы готовились к большому празднику.

— И что — Нонна приехала специально из Одессы?! — перебил Данила Иванович.

— Да, но лучше б не приезжала. — Лина тяжело вздохнула. — У нее была тоже дочка-малютка. Нонна ее оставила у тети в Одессе, так как муж был в плаванье, он был моряком, а сама прилетела к нам в Сибирь прямо в тот день, когда ждали гостей. Итак, мы собрались втроем. Инга пришла со всей семьей — с мужем и дочкой, почти ровесницей моей. Счастью не было предела. К приходу гостей мы, как водится, уложили спать двух малюток в нашей с мужем спальне. Вечеринка проходила замечательно. Гостями были коллеги мужа. А это публика, сами знаете, какая-то вдохновенная. Я себя чувствовала превосходно из-за той ауры внимания и дружелюбия, которой была окружена как супруга уважаемого ученого, как хозяйка дома, как женщина. В положении... Ну вот... — Лина остановилась, прикусив губу. — Вечером, когда веселье было в разгаре, я отправилась в спальню посмотреть, как спят моя и Ингина доченьки... И с порога, в затемненной комнате, увидела Ингу в объятиях моего мужа... У меня случился обморок, вызвали скорую, увезли в больницу, и произошел выкидыш...

— Да, история... А что же «подруги»?! — спросил взволнованно Данила Иванович.

— Ой, я и сама не знаю. Я, естественно, пробыла несколько дней в больнице, но никого не хотела видеть. Нонна сразу улетела, а с Ингой я двадцать пять лет не общалась, хотя жили на соседних улицах в Академгородке.

— Ну ладно, забудьте обо всем, Галина Петровна, — сказал Данила Иванович и снова предложил выпить. — Это было так давно.

Лина от волнения почувствовала сухость в горле и залпом выпила полбокала шампанского.

— Нет, это только начало драмы, и раз уж я начала, хочу высказаться, — сказала Лина, утирая слезы накрахмаленной салфеткой. — Я так долго держала все это в себе.

— Но, Галина Петровна, зачем вам расстраиваться сейчас, ведь столько лет прошло. Чего в жизни не бывает... Пора забыть все. Это я виноват, что подтолкнул вас к этим воспоминаниям. Давайте лучше потанцуем снова.

«А мне не надо от тебя любви, дарованной как милость,
А мне не надо от тебя того, что с нами не случилось...»

— снова зазвучало танго, под которое, прижимаясь друг к другу, на танцплощадке медленно двигались мужчины и женщины.

— Нет, Данила Иванович, — сказала Лина с мольбой, совсем расслабленная алкоголем, — я хочу высказаться... пожалуйста... Так вот, то только было началом драмы... Спустя 25 лет мой муж поехал в четырехмесячную командировку в США и там в какой-то эмигрантской компании познакомился с девкой, влюбился, потеряв совершенно голову. Он сразу признался мне в этом, как только вернулся домой. Олег (так звали мужа) пригласил свою пассию в Городок. При этом к ее приезду он разделил нашу сдвоенную квартиру, и когда любовница прилетела спустя несколько месяцев, он с ней там обустроился.

— Какая жестокость, однако! — с выражением угрюмости на лице перебил Лину Данила Иванович. — А как же вы, дети, когда она приехала?

— Это был август, дети все были в отпусках, а я... обо мне лучше не говорить, потому что пересказать мои страдания невозможно... Невозможно еще и потому, что его возлюбленной оказалась... — Лина остановилась на мгновение, чтобы дать расслабиться горлу, сдавленному нервным спазмом, и, глотнув шампанского, продолжила: — ею оказалась... дочка подруги Нонны!

— Это рок какой-то! — воскликнул Данила Иванович, невольно ударив кулаком по столу так, что зазвенела посуда. — Одна подруга сама на мужа вашего, а другая — дочь подставила вашему мужу. Но почему же они именно вас выбрали своей жертвой, эти монстры?! И где они сейчас?

— Ничего я не знаю о них... Сейчас они обе в Америке, но я ничего о них не знаю. Не знаю, общаются ли они как-то друг с другом... Но... Многое осталось для меня загадкой по сей день. Все же я их знала с детства. Это были хорошие, порядочные девочки.

— Да уж точно порядочные, — с сарказмом вставил Данила Иванович. — А что же было, когда эта дрянь приехала в вашу квартиру?

— Как было... — Лина так расстроилась от воспоминаний, что начала даже всхлипывать. Она видела, что Данила Иванович очень смущен ее состоянием и готов что-то предпринять, чтобы ее успокоить. — Ничего, ничего, не обращайте внимания, Данила Иванович, я уж доскажу — сказала Лина, глядя в стол и вертя в руках испачканную черной тушью с ресниц салфетку. — Когда он ее привез из аэропорта, я была дома, а куда было деваться? Олег меня ей представил, так, как будто я железная, без каких-либо чувств, и они удалились на его половину квартиры. Они в первый же вечер куда-то ушли. Вернулись очень поздно. А через пару дней они должны были уехать в путешествие по стране с заездом в ее родной город Одессу.

— И как же вы могли, Галина Петровна!? — воскликнул Данила Петрович.

— А что мне было делать?! Я отупела от безысходности, от стыда и желания скрыть свой позор от детей и окружающих...

— Но ведь это же прежде всего его позор, вашего мужа! — горячо вставил Данила Иванович.

— Да, это так, — согласилась Лина. — Потому муж меня просил держать это все до поры до времени в секрете. За это он был готов остаться моим лучшим другом и во всем мне помогать. В общем, это трудно все объяснить. Я была в отчаянье и оцепенении. И уже сама

хотела, чтобы они поскорее уехали в это путешествие, чтобы я осталась одна и опомнилась. Но... но... на третий день после ее приезда случился путч...

— Ну и история, хоть мыльную оперу ставь, — сказал Данила Иванович, энергично плеснул в свою опустевшую рюмку водку и, сделав несколько глотков, попросил Лину продолжать исповедь.

— Спасибо вам, Данила Иванович, за то, что даете мне эту возможность. Может, завтра я пожалею, что вот так все наизнанку... Но сейчас мне это необходимо, — сказала она, вертя салфетку.

Данила Иванович дружелюбно, как бы для поддержки, взял в свою ладонь ее похолодевшие от волнения пальцы, слегка сжав, и тут же убрал руку.

— Продолжайте, — сказал он с нотками нежности в голосе.

— Так вот, они прилетели в субботу 16-го августа, а в понедельник 19-го... Помните все это: болезнь Горбачева, трясущиеся руки Янаева, «Лебединое озеро»... И тут началось что-то невероятное. Она, эта девка-американка, эмигрантка, испугалась, что застрянет в России, и потребовала, чтобы Олег ее немедленно отправил в Америку. Представляете, в первый день путча, когда мы все не знали, что нас ждет, она его загоняла, чтобы он ей достал билет, несмотря на то что у него в этот день случился сердечный приступ от волнений и стрессов. У мужа, замечу, с юности было нездоровое сердце, и я его очень берегла всю жизнь. А тут такое... Уж не знаю как, но он все же отправил эту... в Америку... После этого он стал просить прощения у меня и обещал золотые горы, новую сказочную жизнь. Мне его стало жаль. Он словно стал для меня пятым ребенком. Но его сердце не выдержало...

— Ну и несчастье вам принесли ваши подруги... — с негодованием сказал Данила Иванович.

— Я так и не знаю по сей день: обе подруги или только Нонна. Дело в том, что в те трагические дни мне не с кем было поделиться. Я с ума сходила от отчаянья и одиночества, но не хотела ни с кем из наших семейных приятелей говорить об этом. Я не хотела, чтобы по Городку поползли слухи, которые бы могли дойти до детей. И я... — Лина снова стала всхлипывать... — Представляете?! Я позвонила Инге, от которой отеклась 25 лет назад! Представляете, чего мне это стоило...

— И что же ваша Инга? — спросил он с ноткой сарказма в голосе...

— Представляете, она услышала мой голос и отреагировала так, как будто ничего между нами плохого не произошло. Она пришла в тот же день и очень меня поддерживала морально. Она была единственным человеком, посвященным в эту драму. Но в то же время она очень ранила мое сердце, когда сказала, что тогда на новоселье ее вины не было. Она зашла в спальню, где спали наши девочки, чтобы проверить, закрыты ли форточки... И там застала Нонну в объятиях моего мужа. Нонна в испуге выскочила, а Олег прижал к стене Ингу, требуя от нее дать слово, что она ничего не расскажет мне. И в тот момент, когда она пыталась от него вырваться, в спальню зашла я... И представляете, если Инга ни в чем не была виновата, каково ей было жить с этим несправедливым обвинением с моей стороны столько лет?!

— И что же получается, если верить Инге, — с озлобленностью в адрес обидчиков вставил уже тоже слегка захмелевший Данила Иванович, — всю вашу жизнь исковеркала одна семья — Нонна с дочкой! Что вы им плохого сделали?

— Я ничего не знаю, Данила Иванович, — сказала совершенно подавленная Лина. — Я многого не поняла в этой истории.

— А как сложились ваши отношения с Ингой после перемирия? Вы снова подружились?

— Вначале — да, мы подружились. Она приходила ко мне домой, приглашала к себе, чтобы поддержать, давала мне советы... Но... Когда после похорон мужа, — Лина снова

всхлипнула, — Инга мне сообщила, что уезжает с мужем в Америку, во мне разыгралась ненависть к этой стране. Америка стала для меня олицетворением зла. Там, в этой стране мой муж влюбился до потери сознания, и эта страна разлучает меня с подругой, которую я вновь обрела. Причем обрела тогда, когда более всего в ней нуждалась. И вот я всю эту ненависть выплеснула на Ингу. Чтобы сделать ей больно из-за ее отъезда, я ей дала понять, что не поверила в ее рассказ о том страшном вечере... и продолжаю думать, что она флиртовала с моим мужем в тот трагический вечер. Вот видите, какие узелки иногда свивает жизнь...

— А вы будете пытаться выйти на контакт с подругами в Америке? — спросил Данила Иванович, проявляя признаки усталости от запутанного рассказа Лины.

— Да что вы! Никогда! Да и зачем?! Жизнь развела нас навсегда. Так судьбе было угодно...

Лина замолкла, опустила хмельную голову на ладони упертых в стол локтями рук, и ее лицо приняло глуповатое выражение.

Она показалась Даниле Ивановичу совершенно незащищенной и потерянной. А Лина вдруг, к его удивлению, налила себе в рюмку водки и залпом выпила. Данила Иванович стал опасаться, что она совсем опьянеет, и предложил поехать домой. Лина встала со стула, едва держась на ногах.

Уже было далеко за полночь. И Данила Иванович молча упрекнул себя в том, что его подчиненная перебрала алкоголя не без его помощи.

Вообще это посещение им ресторана со своей подчиненной было случайным. Они поехали в аэропорт, чтобы проводить иностранных партнеров. Данила Иванович жил в центре Новосибирска, где размещалась его фирма, а Лина — в Академгородке. Это была пятница. В аэропорту они пробыли дольше, чем планировали, из-за задержки вылета гостей. Вернувшись в центр города, Данила Иванович почувствовал, что проголодался, и предложил Лине поужинать с ним в одном из здешних ресторанов. Он жил недалеко и потому отправил персонального водителя домой, решив, что после непродолжительного ужина придется домой пешком, тем более что погода в этот осенний день была необычно теплой для этого времени года в Сибири.

— Галина Петровна, — сказал Данил Иванович, прилагая усилия к тому, чтобы Лина не упала. — Я думаю, что вам не стоит возвращаться в Академгородок сейчас. Я возьму такси, и поеду ко мне. У меня просторная квартира с отдельной гостевой комнатой. Я живу один, и места у меня предостаточно. А утром вы поедете в Городок на такси, как и планировали. Благо завтра выходной.

Лина все соображала, но алкогольный дурман сковал волю, и она покорно подчинилась. Данила Иванович набросил ей на плечи ее легкое демисезонное пальто, взял под руку и осторожно вывел из ресторана, опасаясь, что она может упасть, поскольку ноги ей слабо подчинялись. Когда они вышли на улицу и поймали такси, он помог ей расположиться на заднем сиденье, а сам сел рядом с водителем.

— Вот здесь, — сказал Данила Иванович таксисту, и как только они остановились у подъезда, быстро рассчитался, вышел из машины и, как нехстати уснувшего младенца, осторожно вытащил задремавшую спутницу.

Через пару минут Лина уже сидела на небольшом мягком диванчике в гостиной дома у начальника, а он хлопотал в ванной комнате. Казалось, что алкоголь только лишь сейчас вовсю заиграл в ее крови, и Лина не понимала, что происходит вокруг. Она сделала неосторожное движение, и со спинки ее голова свалилась на подлокотник диванчика. А поскольку он был узок и короток, она чуть не упала на пол. Данила Иванович быстро подхватил ее и, прижав к своей груди, осторожно понес в гостевую комнату, где он заранее расстелил постель.

Когда она оказалась на кровати в затемненной комнате, ее брючный костюм показался ночной пижамой, надетой на голое тело. Лина сжалась в клубок, застонала и вдруг разразилась громкой истерикой. Было очевидно, что рассказанное и недосказанное о случившейся с ней трагедии вытаскило откуда-то из подкорки и воспроизвело в сознании все ее страдания, вновь поставив вопросы, на которые она так и не знала ответов, и вычертив во всей остроте ее потери и одиночество. Она рыдала, восклицая: «За что, за что?»

Данила Иванович присел на постель, слегка похлопав ее по плечу, чтобы она опомнилась. Но она ни на что не обращала внимания и, укрытая темнотой комнаты, разрыдалась еще сильнее.

Тогда он прилег рядом и, начав с нежного поглаживания ее головы, незаметно для себя перешел к поцелуям шеи, плеч, лица. Она вначале покорно принимала его ласки, а затем сама все сильнее стала прижиматься к нему и отвечать на его ласки. Уже лежа на спине, она ощутила головокружение, и ей показалось, что она куда-то летит, а с ее телом происходит что-то уже забытое, похожее на то, что она знала, будучи 30 лет замужем, но совсем иное, от чего она непроизвольно издавала стоны и даже выкрики...

Данила Иванович вышел из комнаты, когда убедился, что она крепко спит.

* * *

НОННА во всей немеркнувшей своей красоте и изяществе, облаченная в белоснежную короткую, в складочку юбочку и облегающую белую футболку, вместе с подругой — напарницей по теннису, покидала тенистый корт, расположенный во дворе ее дома. Она энергично вытерла махровой салфеткой пот с лица и, договорившись о следующей встрече, проводила подругу к машине, на которой та тут же умчалась. Перед тем как принять душ, Нонна набрала номер дочери.

— Ну что, Асюня, я тебя жду? — сказала она весело и возбужденно.

— Да-да, мамочка, уже выезжаю, — таким же тоном ответила дочь.

— Ты бы хотела, чтобы мы поехали куда-нибудь на ланч?

— Нет-нет, мамуля, не надо, — сказала Ася, — я хочу, чтобы мы просто посидели одни дома...

Нонне было приятно слышать от дочери эти слова, свидетельствующие о том, что у нее есть потребность просто быть рядом и общаться с матерью без особой на то причины. Как долг и драматичен был путь к этой близости. Она поздно обнаружила, что многое упустила в ее воспитании. Нонна прежде всего упрекала в этом себя, без снисхождения к себе признавая, что это было результатом ее прежних замужеств, любовных похождений, которые заставляли ее часто подбрасывать дочку родственникам, друзьям, сиделкам.

Пройдя все испытания эмигрантской жизни, Нонна волей счастливого случая встретила надежного мужчину-американца, который ее увез в этот южный штат в свое имение, а Ася осталась в Нью-Йорке, где вела бесшабашную жизнь без каких-либо серьезных устремлений и ограничений. Это отравляло жизнь Нонне, которая могла бы быть вполне счастливой. Она постоянно смотрела на телефон, ожидая звонка от дочери с хоть какой-нибудь положительной новостью о ее жизни.

И однажды этот звонок раздался. Ася, радостная, сообщила матери, что на ней хочет жениться русский профессор, который пребывает в Америке в длительной командировке. Из рассказа следовало, что профессор к концу командировки вернется в Россию, она приедет к нему, он к тому времени оформит развод со своей женой, которую давно не любит, они поженятся и решат, где им лучше и интересней жить дальше.

С одной стороны, мать была рада тому, что дочь наконец остепенится, с другой — ее беспокоило, что профессор ей в отцы годится по возрасту.

Чтобы хоть как-то разобраться в ситуации, Нонна перед самым отъездом профессора в Россию прилетела в Нью-Йорк. Она остановилась у родственников мужа и первую встречу назначила сама в красивом ресторане дорогого района Манхэттена. Она пришла чуть пораньше и уже сидела за столом, когда Ася с «женихом» вошли в зал. Когда она увидела дочь с Олегом — мужем своей подруги Лины, с которой их развел тот трагический вечер на ее новоселье, она чуть не упала со стула. Однако, приложив все силы для самообладания, которому научилась у мужа-американца, она поприветствовала своих гостей.

Олег тоже ранее не подозревал, что судьба свела его с дочкой той женщины, от которой он когда-то потерял голову во время того злосчастного новоселья у них дома... Он сразу узнал Нонну, но ни одним мускулом лица не выдал этого. Он молчал, как бы призывая Нонну быть снисходительной к нему ради дочери, которая светила счастьем. Нонна, чувствуя, что самообладание может в любой момент иссякнуть, сказала, что приехала заранее, чтобы предупредить, что Боб заболел и ей нужно срочно возвращаться домой. Олегу все было предельно ясно, а ничего не подозревающая Ася приняла за чистую монету объяснения матери и искренне пожалела о случившемся.

Вернувшись домой, Нонна продолжала сочинять легенду о болезни мужа, избегала общаться с дочкой по телефону и под любым предлогом уклонялась от бесед, как только Ася пыталась завести разговор об Олеге. Когда же он улетел в Россию, Нонна снова прилетела в Нью-Йорк, чтобы все объяснить дочери. Она хотела рассказать Асе ту трагическую историю их далекой молодости, но Ася запретила матери говорить что-либо негативное об Олеге, назвав мать своим врагом, который не желает ей счастья. Ася ничего не хотела слушать и только оскорбляла мать недоверием и неуважением.

Нонна не спала ночами, когда дочь улетела к возлюбленному, даже не попрощавшись с матерью и не позвонив, чтобы сообщить о прилете в Россию. Она не могла представить, что Асю там ждет, где она там будет жить и какое горе это принесет Лине...

И вот, через несколько дней после вылета дочери, Нонна смотрит CNN, где показывают баррикады и движущиеся танки на улицах Москвы. Она не отходила от радио и телевизора. В какой-то радиопрограмме она услышала голос комментатора, который прямо сказал, что прогнозировать трудно, никто пока не может сказать, что с Горбачевым и чем все кончится. Нонна звонила всюду: американским друзьям мужа, его старому другу профессору Флемингу, звонила русским знакомым в Нью-Йорк, чтобы услышать их мнения, узнать новую информацию.

На третий день путча, когда уже можно было судить о его провале и Нонна начала чуть успокаиваться, из Нью-Йорка позвонила Ася и сообщила, что вернулась в Америку. Нонна пыталась выяснить у Аси, что с ней произошло, как все было в России в эти дни, как Лина, ее дети...

— Я ничего не знаю! Мне плевать на них всех. Главное, что я уже дома, — твердила Ася, судя по всему, очень довольная собой.

О смерти Олега Ася узнала сразу и тут же позвонила матери. Нонна была охвачена подлинным горем и угрызениями совести перед Линой. Олег, судя по всему, стал жертвой романа с Асей. Значит, это и их вина — Нонны и ее дочери.

На какое-то время Нонна вообще замкнулась и не хотела ни с кем общаться. Ей казалось, что весь мир знает о совершенном ими преступлении. В этом состоянии общаться с дочерью для нее означало чувствовать себя непосредственной соучастницей трагедии.

С другой стороны, ее не покидали страхи о том, что Ася может опуститься, стать наркоманкой, проституткой, поскольку ничто из ее прошлой жизни не внушало веру в то, что она может выйти на праведный путь.

Жизнь Нонны теперь разделилась на внешнюю, где все было, как всегда, благополучно, и внутреннюю, никому не видимую, где навечно поселилась необратимая печаль, чувство вины перед Линой, перед дочкой и страх за нее.

Время шло. И однажды кто-то позвонил в дверь. Она решила, что это срочная почта для Боба, и когда открыла дверь, не поверила глазам своим. Перед ней стояла дочь. Они со слезами бросились друг другу в объятия, не говоря ни слова...

Ася погостила у матери неделю, но с первого мгновения встречи Нонна не могла не заметить, что в дочери произошли разительные перемены. Это просто был другой человек. Она почти ничего не говорила о своей личной жизни и о себе, лишь сообщив, что вскоре после приезда из России, уже после смерти Олега, работала в госпитале на неквалифицированной работе. А сейчас взяла необходимую сумму в банке в кредит для учебы в медсестринском колледже. Учеба будет продолжаться примерно два с половиной года.

Ася объяснила матери, что выбрала эту профессию, чтобы помогать страдающим. Все ее помысли и планы сейчас были преисполнены милосердия к людям. Даже выражение лица Аси стало иным. Хищная львица превратилась в преданную, заглядывающую в глаза собачку, готовую служить.

Она не была религиозной, но стала посещать религиозные учреждения словно желая найти свой путь к Богу, который бы ей простил все. Нонна смотрела на дочь, и ее сердце сжималось от жалости и тревог за ее дальнейшую судьбу. Ася, ее единственная дочь, действительно писаная красавица, умница, может составить подлинное счастье мужчине, которого полюбит, но в ней словно все погасло.

Все дни мать обихаживала дочку, как маленького ребенка. Лишь теперь она познала радость материнства, которого себя лишала в молодости, думая только о своей личной жизни. Боб относился с пониманием, проявлял с женой солидарность, окружая падчерицу теплом и вниманием.

Неделя пролетела как один миг, и Ася сказала на прощанье, что приедет, когда закончит колледж.

Ася выполнила свое обещание. Она позвонила, когда получила долгожданный сертификат о среднем медицинском образовании. У нее уже было несколько предложений работы в госпиталях в Нью-Йорке, но она решила недели две отдохнуть у мамы.

Когда Ася сообщила дату своего приезда, Нонна предложила мужу организовать в первый же уикенд пикник у них во дворе. Боб поддержал жену и сказал, что кроме их старых друзей (американцев) пригласит его новых партнеров по гольфу, которых Нонна еще не знала.

Ася встретила гостей с доброжелательным равнодушием и, отдав дань вежливости, улеглась на шезлонг у бассейна. Мать не могла не заметить, что дочь сексуальное бикини сменила на скромный цельный черный купальник, который, однако, еще четче подчеркивал ее точеную, восхитительную фигуру. Видно было, что Ася под предлогом «хочу позагорать» уткнулась лицом в матрасик на шезлонге, чтобы ни с кем не общаться.

Нонна удалилась на время по хозяйственным делам в кухню и хотела попросить мужа, чтобы он как-то вовлек дочь в общение. Но тут в окне, выходящем к бассейну, она заметила, что рядом с Асей сидит один из новых гостей, интересный, стройный мужчина, судя по всему — чуть больше пятидесяти лет, которого звали Майком. Нонна тут же спросила о нем у мужа и узнала, что Майк — давний друг профессора Флеминга и недавно стал их партнером по гольфу, вступив в их гольф-клуб. Он перешел к ним, поскольку не хочет общаться в прежнем гольф-клубе с женой, с которой развелся. Он главный менеджер очень крупной компании, человек очень состоятельный. После развода наслаждается своей свободой и сказал, что больше не женится никогда. «Майк из спешиаал американ (особенный американец), — лукаво заметил Боб, — он прекрасно говорить по-русски. У него грандграндперентс фром

Раша (предки из России). Он рассказат, что грандма (бабушка) его учил рашин ленгвич (русскому языку). Ю хэв ан опортюннити (у тебя есть возможность) говорит с Майк ин рашиан (по-русски)», — смеясь, заключил Боб.

* * *

ИНГА стояла у зеркала, которое сегодня впервые за долгое время ее порадовало. Уже год спустя с того момента, как она ступила на американскую землю, со стороны ее ничем нельзя было отличить от среднестатистической американской домохозяйки — обывательницы, все интересы которой замыкаются на быте. И свободная одежда, скрадывающая излишки веса, и короткая стрижка осветленных до пепельного цвета волос — все это уже мало напоминало Ингу Сергеевну семилетней давности.

И все же сегодня она себе нравилась. Она хотела себе внушить хорошее настроение, но непонятная тревога одолевала ее.

Ее собственный опыт и литература, которую она читала на эту тему, не оставляли никаких сомнений в том, что явление «телепатия» имеет место быть и она обладает способностью к ней. Это подтверждалось многими ситуациями ее жизни. Например, когда она в связи с замужеством уехала из Одессы в Сибирь, то всегда получала от мамы телеграммы (из-за отсутствия домашних телефонов) с тревожными вопросами об их жизни именно тогда, когда кто-то из них, особенно маленькая дочка Анютка, болели. Но если о большинстве случаев можно было думать как о случайных совпадениях, то некоторые другие поражали настолько, что порой лишали сна.

Одним из них был случай с начальницей машинописного бюро института в Академгородке, где Инга работала. Ефросиния Митрофановна, как звали «начальницу», была классной машинисткой, хорошо знающей себе цену. Она после школы приехала из пригорода в Новосибирск и поступила в Педагогический институт, который бросила после третьего курса, после чего окончила курсы стенографии и машинописи. Осознание своей власти и профессиональных достоинств в деле, без которого никто из основного состава сотрудников научно-исследовательского института не обходился, давало ей право вымещать на всех неудовлетворенность своей одинокой жизнью.

Она была абсолютно замкнута, ни с кем из сотрудников не вступала ни в какие отношения за пределами сугубо деловых, хотя работала в институте лет пятнадцать. Все знали, что по окончании рабочего дня она на своем же рабочем месте допоздна печатает всякие тексты со стороны, за что берет неплохие деньги. Очевидно, это давало ей возможность прекрасно одеваться и чувствовать себя независимой. Ей было где-то в пределах сорока лет. Высокая, плоская, с жидкими светлыми волосами и такими же ресницами, которые она никогда не красила, из-за чего ее светлые глаза казались еще более холодными, чем были на самом деле.

И все же она не выглядела человеком, поставившим на себе крест. Было очевидно, что нередко она просыпалась утром с мыслью о том, что заветное «вдруг» произойдет именно сегодня, потому именно в такие дни к ней лучше было не подходить. И именно в один из таких дней нужно было срочно отпечатать последние материалы сборника трудов предстоящей конференции, за выпуск которого Инга была ответственна. Она направилась в машбюро и у самой его двери столкнулась с его начальницей.

— Ефросиния Митрофановна, — сказала она просительно, — мне тут срочно нужно допечатать тезисы докладов. Если вы куда-то торопитесь, я оставлю папку с рукописями на вашем столе.

— Вечно у вас все срочно, у всех все срочно! — зло и нервозно изрекла машинистка. — Вы же не вчера узнали о сроках сдачи сборника. У меня вон все столы уже завалены срочным ото всех. Да еще глаза выколешь, пока ваши почерки разберешь, и все срочно. Хотите

срочно, хлопчите, чтобы расширили машбюро. А то за такие деньги вы и моих трех девочек, и меня потеряете. А после рабочего дня гробиться и гнать из себя душу мы не намерены. Что успеем, то сделаем, — завершила Ефросиния Митрофановна и пошла в нужном ей направлении.

Инга Сергеевна ничего ей не ответила, вошла в комнату машбюро, положила на стол начальнице папку, на обложке которой проставила дату и время сдачи текстов, и вышла с намерением пойти к зам. директора с заявлением о недопустимости такого обращения машинистки с научными сотрудниками. Она сделала несколько шагов в направлении приемной, затем резко свернула и пошла в свой кабинет.

«Что я знаю о ее жизни, — задумалась Инга. — Столько лет мы с ней работаем и ничего не знаем о ней, — размышляла она, — а ведь машинистка она классная. Она не только прекрасно печатает, но видно, что любит тексты, поэтому творчески с ними работает. Она чувствует текст и всегда грамотно, точно и красиво его располагает и даже порой по своей инициативе редактирует. Ну где мы еще найдем такую. И почему она такая злая? Хорошо бы с ней разговориться, узнать хоть что-то о ней, о ее личной жизни. А если ей чуть навести макияж, ее лицо бы стало более мягким, женственным. И вправду, как ей удастся разбирать наши жуткие «каракули»? Так ведь разбирает и никогда не допускает ошибок...»

В конце рабочего дня, уже перед уходом домой, Инга решила зайти в машбюро, чтобы узнать все же, что ждет тексты, которые она там оставила утром.

Ефросинья Митрофановна была одна в комнате и, достучав с немыслимой скоростью кусочек текста, от которого не сочла нужным оторваться, повернула голову к зашедшей.

— Половина вашего материала уже готова, можете взять, если хотите, — сказала она без всяких вступлений, — а завтра к обеду будет отпечатано все остальное.

— Да?! Спасибо! А где, где отпечатанное? Конечно, я возьму и смогу уже сегодня вечером выверить. — Говорила Инга осторожно, боясь спугнуть миролюбие машинистки.

— Сейчас сама дам, а то вы все тут перевернете, — сказала машинистка, не глядя на гостью. Она встала со своего рабочего места и направилась к столу, где лежали отпечатанные за день тексты.

— Конечно, конечно, я вам очень благодарна за то, что вы пошли нам навстречу, — угодливо сказала Инга.

Машинистка, словно не слушая Ингу, взяла нужную папку, в которую положила напечатанное вместе с рукописью, и протянула ее Инге со словами, смысл которых Инга Сергеевна не сразу смогла осознать из-за их крайней неожиданности.

— Садитесь, Инга Сергеевна, — сказала Ефросинья Митрофановна с несвойственными ей никогда ранее оттенками теплоты в голосе, — мне понравился ваш материал. И вообще, в отличие от многих, вы пишете аккуратно. Но я не об этом. Меня с некоторых пор не покидает ощущение, что вы единственная из сотрудников в институте, тем более такого ранга, которого я интересую как человек. Не отвечайте мне, я это чувствую. Если у вас есть время, мы могли бы поговорить.

Когда спустя часа полтора Инга покинула институт, она не могла прийти в себя от потрясения. За столько лет соприкосновения с машинисткой она впервые задумалась о ее жизни, и тут же эта закрытая, недоброжелательная женщина ни с того ни с сего стала ей рассказывать о себе, словно она невидимым взором прочитала эти вопросы, вертящиеся в голове Инги.

Этот факт совпал с одним из ярких событий Академгородка. Отличительной особенностью академгородковцев была необыкновенная щедрость на любовь к своим кумирам. Особенно эта любовь выплескивалась на приезжих, которых там всегда бывало немало: ученых, писателей, журналистов, художников, общественных деятелей. По приезду кумира казалось, что на это время менялся образ жизни, темы разговоров, выражения лиц городковцев и даже

погода на улице. Одним из таких кумиров был кардиохирург мировой известности, академик Николай Амосов. Его книги «Мысли и сердце», «Книга о счастье и несчастьях», лекции о продлении активного долголетия не просто читали и перечитывали, их обсуждали, их принимали как руководства к жизни, ими жили.

Инга бегала на все его лекции и каждое его слово воспринимала как истину в последней инстанции.

Она где-то читала, что проблемы парапсихологии были в поле интересов ученого, и решила задать ему вопрос: «Что он думает о телепатии и верит ли он вообще в существование этого явления».

Амосов как лектор был неподражаем. Во всем, о чем он говорил, даже о вещах очень серьезных, наболевших, он находил место для какого-то искрящегося юмора, что наполняло сам воздух аудитории оптимизмом и верой в возможность жить счастливо и долго. Первыми словами этой лекции были: «Дорогие мужчины! Наш сильный пол вымрет, если мы не возьмемся за свое здоровье, потому что статистика показывает, что разрыв в средней продолжительности жизни мужчин и женщин увеличивается. И первое, что нам нужно сделать — это гнать в шею жен — хороших кулинарок, потому что чревоугодие наш самый злейший враг...» Хохот, улыбки и восторг слушателей — подлинная атмосфера, которая царила в зале.

Задавая ему свой вопрос, Инга не исключала, что услышит что-то ироническое, потому что Амосов всегда подчеркивал, что придерживается материалистических взглядов на природу человека.

Каково же было ее удивление, когда он ответил примерно так: «Глупо отрицать факты, которые зарегистрированы несчетное число раз. Здесь я могу процитировать физика В. Лошкарева, который о явлениях парапсихологии говорил: «Это — другая физика. Иногда она замыкается на «нашу», и тогда получаются «чудеса». Я сам много интересовался этим, но мало что видел сам».

Уже сам факт, что ученый-материалист не высмеял ее вопроса, а говорил об этом серьезно, по сути, не отвергая этого явления, произвел на Ингу тогда очень сильное впечатление, потому что это давало основание относиться серьезно к тем фактам ее жизни, которые она сама не хотела принимать всерьез.

Правда, недавний факт заставил все же поставить под сомнения свои предполагаемые телепатические способности. Это было, когда муж уехал в последний раз в Россию. Ее не покидали какие-то неясные тревоги. Она даже не могла спать ночами от учащенного пульса и дрожи во всем теле. Когда Саша благополучно вернулся, она свои тревоги объяснила естественным состоянием при разлуке, и не более того.

И вот сейчас, перед самым приходом гостей, ее снова, казалось, на пустом месте, охватило точно такое же состояние, как и тогда.

Тревожные ощущения вытеснил звонок в дверь.

Саша, окруженный российскими гостями, сиял каким-то особым сиянием, когда появился на пороге. Он тут же представил Инге гостей. Она никого из них не знала ранее. Они были моложе Инги с мужем лет на 10 – 15, и все с физмата Московского университета. Двое мужчин — Владимир Степанович и Петр Алексеевич, как Инга узнала сразу при знакомстве, приехали на неделю, а женщина, Светлана Георгиевна — на два месяца.

Вслед за ними стали подъезжать американские гости — сотрудники кафедры с супругами. Она их всех знала, они всегда относились к ней крайне дружелюбно, но сегодня одаривали ее самыми восторженными комплиментами. И ей казалось, что они увидели ее впервые хоть в чем-то похожей на ту, какой она была в России.

К удовлетворению хозяйки, Болтунский приехал без своей угрюмой и завистливой жены, которая уже одним видом могла испортить настроение. Гости рассаживались в гостиной, и Саша тут же начал предлагать напитки и разносить на подносе приготовленные женой

для аперитива деликатесные закуски (покрытые красной икрой сухие, подсоленные бисквитики, разные орешки, маслины, сыры).

Гостиная сразу наполнилась шумом и гамом, напоминающим атмосферу интеллектуальных вечеринок в Академгородке.

Оставив увлеченных разговорами гостей, Инга пошла в обеденную комнату, чтобы проверить, все ли готово к приглашению их к столу.

Она ходила вокруг стола, пересчитывая приборы, и услышала вошедшего Болтунского.

— Опять наши соотечественники?! — начал он с порога. — Они, видите ли, не хотят, как я, например, переехать сюда. Нет, они себе сидят там, у себя, на своих насиженных местах в институтах, на кафедрах, и живут неплохо за счет грантов, которые им дает Америка.

Инге были настолько отвратительны сентенции Болтунского, что она неприкрыто демонстрировала свое недовольство этой беседой. Но он не уходил, пользуясь тем, что она, а сама уйти не может, так как ей нужно завершить оформление стола. Она знала, до какого циничного уровня он может довести разговор. Более того, она знала, что цинизм этого человека был не только формой, но сутью его отношения к людям, поэтому он никогда не обижался при любой, даже крайне негативной реакции на его слова. А если грубо выставить его за порог, он при следующей встрече поведет себя как ни в чем не бывало. Потому сейчас, чтобы не испортить себе вечер, она решила не реагировать на него всерьез.

— М-да, — продолжал язвить Болтунский по волнующему его вопросу: — «У советских собственная гордость, на буржуев смотрим свысока с протянутой рукой». Ну, как я осовременил Маяковского? — Он расхохотался, посчитав, очевидно, свой каламбур очень остроумным.

— Ну, во-первых, они уже не «советские», как вы изволили выразиться, — сказала Инга иронически, дав ему понять, что не намерена вести с ним разговор хоть сколько-нибудь серьезно.

— А как тебе Светлана? — перебил Болтунский. — Она из тех московских львиц, которые коня на скаку остановят. Правда, насчет горячей избы — вряд ли, то есть сама — вряд ли. Она лучше уж кого-нибудь подставит. Она давно хотела куда-нибудь «в заграницу»... И вот наконец «повезло ей, повезло ей, повезло, и в Америку Светлану занесло»... — Анатолий почти истерически расхохотался, выражая удовлетворение своим экспромтом. — Что-то, Инга, у меня сегодня поэтическое настроение. К чему бы это?

Инга тоже рассмеялась невольным, нежеланным смехом, какой бывает от щекотки, но быстро остановилась и тем же ироническим тоном продолжила:

— Вот ты у нас, Толик, — ходячая энциклопедия. Ты все про всех знаешь. Я бы на месте американцев отменила все справочники «Who's Who» с тех пор, как ты сюда приехал. Зачем они нужны, когда обо всех можно узнать у тебя...

— А ты не иронизируй. И то, что я говорю, я знаю точно. И я все знаю о Светлане. Она либо место хорошее на кафедре завоюет, либо заарканит кого-нибудь с положением, чтобы остаться. Правда, среди американских профессоров в нашем университете неженатых мало, а женатые боятся на женщин смотреть, чтобы в «секшувал харазменте» (сексуальных домогательствах) их не обвинили. Значит, можно вычислить, что она будет охотиться за кем-то из наших.

Инга снова рассмеялась и сказала:

— Вот я позвоню твоей Томе, чтобы она за тобой следила, а то вдруг эта красивая женщина тебя заарканит.

— Да, Светлана недурна собой — это правда. Но, во-первых, я с красивыми давно покончил, как всем известно, а во-вторых, чего ей меня арканить. У нее другие масштабы,

и вообще я тебе скажу, что если б не твой муж, Светлане Георгиевне Америки бы не видать как своих ушей без зеркала.

— Ну и хорошо. Я горда своим мужем, если ему удалось то, что не удалось другим. Он всегда, чем может, старается помогать бывшим коллегам, соотечественникам.

— Да, но она же не бывшая коллега. Ты ведь ее наверняка не знала раньше. По-моему, твой муж с ней познакомился, когда был в командировке в Москве, где-то полгода назад.

— Ну, Толенька, всегда говорили: «будешь много знать — скоро состаришься». И зачем мне стариться, если у меня такая прекрасная жизнь, и, кстати, благодаря моему же мужу.

— Я не думаю, что тебя может устраивать такая жизнь.

— Ну почему же?! Там я занимала солидное положение, добилась многого. Я прошла по максимуму в своей карьере. Теперь другая жизнь, не менее прекрасная и такая спокойная.

— Ну, «покой нам только снится», сказал поэт, как ты знаешь. И покой всегда под угрозой того, что его могут нарушить. И твой покой, в том числе.

— Ты, что ли, собираешься меня будить серенадами под окном? — рассмеялась Инга. — Я не возражаю, даже подарю тебе гитару.

— Я понимаю, — сказал Болтунский, делая вид, что не слышал последней реплики. — Я понимаю. Вы с Сашей пример современной семьи, где каждый свободен. Там, в России, Саша тебе позволял погуливать на привязи, а ты ему. И здесь ничего не должно меняться. Ведь посмотри на своего мужа, он, как мальчик, весь играет. Вот только ты меня смущаешь, не похоже это на тебя, насколько я тебя представлял по академгородковской жизни. Ты как-то успокоилась, засела дома. Конечно, здесь тебя не окружают академики, у тебя нет таких стимулов, как там... Но быть домохозяйкой — это явно не для тебя, Инга.

Инга видела, что Болтунский осознанно водит ножом по живому, издевается и выдает какой-то подтекст... Голову чуть не разрывало от напряжения при попытке понять, что он имеет в виду, говоря об академиках, то ли хочет сделать больнее из-за того, что она не работает и не имеет такого уровня общения, какой у нее был в России, либо что-то другое... Но что? О ее тайном, очень коротком романе с академиком Останговым не знала ни одна живая душа, поэтому, упоминая академиков, он не мог это иметь в виду.

Но что-то зловещее было в иронии Болтунского, какая-то закодированная информация. Ее начало всю трясло. Болтунский видел, что вывел ее из равновесия, и, подобно вампиру, упивающемуся кровью жертвы, он продолжал что-то нести в том же духе, понимая, что у нее нет иного выхода, как терпеть его из-за присутствия гостей. «Нужно не поддаваться на провокацию и являть прекрасное настроение...» — внушала она себе, используя все резервы самообладания, и с искусственной веселостью сказала:

— Итак, Толик, мы с тобой пообщались, израсходовали массу энергии, чем нагнали аппетит. А поесть будет что, я тебе гарантирую. Так что советую пойти выпить чего-нибудь крепенького и подготовиться к принятию пищи. А мне нужно изъять незаметно мужа, чтобы он зажег свечи в подсвечниках на столе до того, как я всех приглашу сюда.

Инга прошла в гостиную, где гости, очевидно, чувствуя, что вот-вот их пригласят в обеденную комнату, уже встали с кресел и диванчиков, образовав тесный, наполненный веселыми разговорами кружок. Инге нужно было незаметно просигналить глазами Саше, чтобы он вышел. Он был на противоположной от нее стороне комнаты, и когда она посмотрела в его сторону, оцепенела. Она уже ничего не могла видеть вокруг, кроме глаз! Это были глаза ее мужа и глаза Светланы Георгиевны, обращенные друг к другу...

* * *

ЛИНА открыла глаза и посмотрела на висящие на стене напротив часы. Было восемь утра. Из приоткрытого окна слышался шум дождя. Сначала она не могла сообразить, где

находится. Но уже через мгновение память, хоть и не вполне ясно, воспроизвела происшедшее, и в том числе ощущения физической близости с начальником. Трудно было разобраться — это она неосознанно воспользовалась ситуацией, чтобы удовлетворить свой голод по мужской ласке, или он воспользовался ее опьянением, чтобы удовлетворить чисто физиологическую потребность, возбужденную алкоголем. Память воспроизводила не только его ласки по отношению к ней, но и ее по отношению к нему. Но она четко понимала, что этот ночной дурман — не более чем случайное совпадение обстоятельств и может создать ей немало сложностей на работе, которая для нее сейчас была важнее всего.

Она лежала под одеялом совершенно голая и не знала, что делать. Стояла мертвая тишина. Завернувшись в простыню, Лина с опаской выглянула в приоткрытую дверь. Убедившись в том, что никого не видно и не слышно, она тихо выскользнула за дверь и тут же натолкнулась на вход в ванную комнату.

Какое-то время спустя она себя поймала на том, что застыла под душем без всяких движений, охваченная ощущениями прошедшей ночи. Она впервые задумалась над тем, что обкрадена радостью сексуальной жизни. Она, по сути, не знала от мужа нежности, которая бы способствовала гармонии в их близости и приносила и ей моральное и физиологическое удовлетворение в постели. Быть может, потому ей по ночам снились эротические сны. В них не было секса как такового, но были ласки, нежность со стороны каких-то символических мужских образов, вызывавших возбуждение, на котором обычно сон прерывался.

После таких снов она нередко ходила с головной болью, подавленная. Олег так строил их отношения, что она в этих вопросах не имела права голоса, поэтому с ним заговорить на эти темы она просто боялась, так как он бы обрушил всю вину на нее. Они вообще никогда не говорили на эти темы, но однажды он где-то вычитал статью о женской фригидности и не без намека дал ей почитать, как нечто имеющее к ней непосредственное отношение.

И вот эта ночь, где она ощущала подлинную, идущую от души мужскую ласку, как бы воспроизвела один из ее эротических снов, который, однако, не оборвался в кульминационный момент, а позволил ей насладиться всей гаммой ощущений, предопределенных природой для этой ясной и в то же время загадочной стороны жизни человека...

Лина выключила душ и, снова завернувшись в простыню, проскользнула в комнату, где спала ночью. Не успела она захлопнуть дверь, как на пороге, держа хрустальную вазу с огромным букетом цветов, появился Данила Иванович. Лина опешила, не зная, что сказать. Он поставил вазу на пол, не говоря ни слова, и приблизился к ней, стягивая с нее простыню. Он нежно взял ее на руки и отнес в спальню, меблированную роскошной белой мебелью, где главным предметом была огромная, почти на всю комнату кровать...

На следующее утро, проснувшись, она вспомнила прошедшие сутки до момента, когда погрузилась в сон, как что-то совершенно нереальное, чего она и представить не могла ранее для себя, дожив уже до возраста имеющей внуков женщины.

Она еще лежала, когда Данила Иванович зашел к ней с подносом, на котором были фрукты и шампанское. Уже раскрепощенная и даже привыкшая к этому, еще два дня назад совершенно чужому человеку — начальнику, которого даже слегка побаивалась, она воскликнула:

— Данилушка, ну неужели шампанское прямо натошак? Мы же сразу опьянеем.

— Я именно этого и хочу, — сказал он взволнованно. — Я хочу, чтобы мы опьянели и весь день провели здесь в постели, как вчера.

Лина ничего не ответила и только молча улыбнулась. Она действительно не знала, как себя вести, но определенно не хотела упустить ничего из того счастья, которое на нее свалилось так неожиданно. Она знала, что это сиюминутное, ниспосланное волей обстоятельств счастье подобно откровенности в поезде двух случайных пассажиров, которые предельно откровенны только потому, что знают, что, выйдя из вагона, никогда в жизни не встретятся.

Спустя какое-то время пустая бутылка шампанского уже валялась под кроватью, и Данила Иванович, облокотившись локтем правой руки на подушку, начал проникновенно говорить.

— Послушай, Лина, ты не смотри, что я чуть охмелел. Может, я специально старался охмелеть для смелости. Но говорить я буду очень трезвую вещь... Я хочу, чтобы мы поженились... Представь, как мы заживем! Ты можешь стать мне хорошей опорой в моей фирме. Вот подпишем контракт с американцами, развернемся еще больше, будем всегда ездить всюду вместе. — Он сделал паузу, нежно поцеловав ее недоуменные огромные глаза, и продолжил: — Ты умница, ты прелестная женщина, ты мне нужна.

— Милый мой Данилушка, — сказала Лина, погладив его по голове. — Данилушка — какое у тебя, однако, имя: Данила, Данила-мастер, помнишь замечательный фильм «Каменный цветок»? Да откуда тебе помнить. Ты еще и не родился, когда этот фильм вышел на экраны. — Лина потрепала его чуб. — Там играл артист Дружников. А ты даже чем-то на него похож, только волосы у тебя светлые. Данила-мастер. А ты и есть мастер. Ты молодец. А ведь тебе всего сорок пять — юный возраст для мужчины. — Она притянула к себе его голову и нежно поцеловала. — Ты хороший, Данилушка...

Данила Иванович, отодвинув прядь волос с лица Лины, нежно поцеловал ее в щеку.

— Лина, Лин, я хочу повторить, что делаю официальное предложение: выходи за меня замуж! Мы заживем хорошо. Я подружусь с твоими детьми. Увидишь, Увидишь...

Лина чувствовала себя опьяневшей и от шампанского, и от его слов.

— Данилушка, — сказала она тихо, нежно, — милый, милый, ну подумай, о чем ты говоришь? Какая женитьба может быть? Ты младше меня на 10 лет. У меня четверо взрослых детей, внуки пошли. А у тебя вообще еще нет детей. Такому молодому, сильному мужчине нужно срочно снова жениться на молодой, красивой, народить много детей. Так зачем тебе такая старая кляча, как я?

Слово «кляча» почему-то ее страшно рассмешило, и она вдруг, сама того не желая, почти истерически расхохоталась, так, как не смеялась с самой юности. Она прикрыла лицо руками, от хохота содрогалось ее тело и вся постель. Все это крайне возбудило его, и он всей мощью своего атлетического, сексуального тела накрыл ее, заставив нервный смех перерастить в нежные звуки любви.

— Лина, я тебе все сказал серьезно, — продолжил Данила Иванович, остывая после вплеснувшей страсти. — И при чем тут возраст, дети! Ты моложе многих тридцатилетних, потому что ты не растрчена. Поверь, я немало познал представителей вашего «прекрасного» пола. Ты юная, в тебе все проявляет нереализованность как личности и как женщины. Ты отдала всю свою жизнь, молодость семье. Ты ничего не знала в себе, не знала, какова ты в любви. Все проявляет ее нехватку в твоей прошлой жизни. Твой муж тебя не ценил, он не хотел понять, каким сокровищем он владел, потому гонялся за всякими шлюхами...

— Оставь это, Данила, пожалуйста, не трогай моего покойного мужа, — моляще произнесла Лина, расслабленно лежа на спине.

— Ах, теперь не трогай, — сказал ожесточенно Данила, встав с постели и начав нервно натягивать спортивные штаны.

Лина тоже встала, надела попавшуюся под руку его белую футболку, которая укрывала ее до колен, и подошла к нему с мольбой.

— Прошу тебя, Данила, успокойся. Ну что ты. При чем тут мой покойный муж сейчас. Оставим его в покое. Ну так случилось, попался в сети к проститутке и пострадал. Он был хорошим человеком, отцом моих детей, он был известным ученым, много работал и своими успехами обеспечил нам благополучную жизнь...

От этих слов Данила вспыхнул к покойному мужу ставшей ему очень близкой и желанной женщины ревностью, которая, как мощный катализатор, усиливала реакцию выпитого

натошак алкоголя. Не обращая внимания на мольбы Лины, он с высоты своего огромного роста продолжал в гневе:

— А почему ты так его защищаешь? Ты, кажется, несмотря ни на что, продолжаешь любить его, покойного! Он мало тебя топтал? И это он-то хороший человек?! Это он-то обеспечивал благополучную жизнь вам?!! Не ты ли мне рассказала, как он набрасывался на твоих подруг еще в первые годы вашего супружества? Не от тебя ли я узнал, что когда он поехал на четыре месяца в Америку, там связался с вонючей эмигранткой — дочкой твоей подруги, которую пригласил в твой дом!!!.. Это ж кому-нибудь сказать. Нормальные люди не поверят... И это только то, что ты знала. Наверняка этот бабник гонялся за каждой юбкой. Я знаю таких типов, которым нравятся все женщины, кроме собственной жены.

— Данила, прошу тебя, остановись. Ты невменяем. Остановись, потом тебе будет стыдно, — умоляла Лина.

— Ах, мне еще будет стыдно? Мне должно быть стыдно за то, что я предостерегаю, пытаюсь избавить твою память от этого подонка?! Да ведь еще неизвестно, сколько всего бы на тебя обрушилось, если б не этот путч. Этот путч спас тебя, так что молись не мужу своему, а Янаеву с Крючковым.

— Данила, прошу тебя, остановись. Давай сменим тему. Ты невменяем. Я принесу тебе воды.

Лина стремительно направилась к двери, но Данила уже не владел собой. Он грубо схватил ее за руку, не позволяя выйти из спальни.

— И не надо мне говорить, — кричал он, — что твой ублюдок попался в сети к проститутке... Я со всей ответственностью заявляю, что ни один мужик ни в какие сети и капканы ни к одной бабе не попадет, если сам туда не полезет. Уж поверь, у меня опыт есть в этом деле. Так что твой муж был подонком, который считал тебя просто дурой! Нет, он тебя вообще за человека не принимал. И тебе, и твоим детям, и ему в том числе повезло, что он вовремя умер.

Лина почувствовала, что весь алкоголь выветрился, и она вполне осознанно стала кулаками колотить его огромное, сильное тело, рыдая и выкрикивая:

— Замолчи, прошу тебя, замолчи, ты не смеешь, ты просто дьявол какой-то!!!..

Данила, опомнившись, застыл, молча принимая ее удары.

Лина тоже опомнилась и опустила руки.

Данила опустил перед ней на колени, прислонив свою голову к ее животу.

— Пожалуйста, встаньте, я прошу вас, — сказала она раздраженно, чтобы пробудить его чувство собственного достоинства. Более всего она не хотела его унижений перед ней, и тем более покаянных ласк, потому что он был ей неприятен в эти минуты.

Данила Иванович сразу это понял, встал, прошел к кровати, начав ее чисто автоматически прибирать.

В течение полутора суток, проведенных с ним, в основном в постели, Данила казался Лине старше и опытнее ее. Сейчас же он превратился в растерянного, неопытного юнца. Она встала у окна лицом к улице и, опершись руками о подоконник, тихо сказала:

— Это очень хорошо, что вы уезжаете в командировку на месяц. Потом я еду на такой же срок в Москву, как вы говорили, для работы с документацией в связи с американским контрактом. Два месяца нам дадут возможность опомниться. А потом мы решим, можем ли в дальнейшем продолжать работать вместе. Все в жизни бывает, мы люди взрослые и можем, я думаю, подняться над хмельным приключением, произошедшим с нами. Но я пойму вас, если вы сочтете необходимым, чтобы я ушла из вашей фирмы для психологического комфорта на работе. И я оставляю за собой право принять решение об уходе, если пойму, что мне трудно с вами работать. Вы, ваша фирма многое вложили в меня: и в патентоведческие

курсы, и курсы английского. Я все это никогда не забуду и постараюсь быть вам полезной всегда... А сейчас, извините, мне нужно собраться, чтобы поехать домой.

Данила понял, что сейчас именно тот случай, когда ни одно слово в речи Лины не допускает возражений и комментариев.

* * *

НОННА глянула на часы и, удостоверившись, что Ася появится примерно через полчаса, приступила к приготовлению ланча.

Между тем Ася приближалась к дому матери.

Настроение было светлым и радостным. Ее новый белый «Лексус», казалось, не ехал по бетонной дороге, а плыл по зеркальному водоему. Она вставила СД-диск, который купила недавно в русском магазине. Там были записи популярных в 70-х годах мелодий. Зазвучала крайне сентиментальная, скорее даже печальная мелодия, «Мама» в исполнении оркестра Поля Моруа. Ася помнила ее хорошо с одесского детства.

Тогда, еще 9 – 10-летней девочкой, она слышала эту мелодию на каком-то иностранном (не то испанском, не то итальянском) языке, и песня начиналось со слова, которое на всех языках звучит одинаково. Песня ей так нравилась, что она ее часто сама напевала на свой лад: «Мама! Ни-на-на, на-на на, ни на. Мама, на-на — на, на-на, ни на-на...»

Мама с папой разошлась. Потом у мамы были мужчины, мужья, она вечно куда-то убегала, оставляла Асю у подружек и родственников, где ей было одиноко. Когда изредка мама с ней куда-то ходила (в кино, в цирк, просто гулять по Дерибасовской или на пляж), все смотрели на маму, и Ася крепко держала ее за руку, чтобы все видели, что это ее мама. Иногда к ним подходили прямо на улице, и мужчины, и женщины, и говорили, что они обе красивы, но Ася считала, что это все из-за мамы, потому что мама была самая красивая.

У мамы такая фигура, ее спина похожа на гитару, на которой играл мамин муж-моряк дядя Володя. А у Аси фигура прямая, как доска. Иногда она брала ленту и до боли затягивала талию, но как у мамы фигура не получалась. Вот когда она вырастет, поправится, наденет как у мамы лифчик, туфли на каблуках, накрастит губы и вместо косичек сделает как у мамы прическу, тогда, может, она станет красивой. В те редкие часы, когда мама уделяла ей внимание, она была очень добра к ней, покупала все, что она хочет. Но даже эти счастливые мгновенья у Аси были всегда овеяны грустью, так как она знала, что это счастье не надолго, мама опять будет занята, вся в бегах, и ей будет не до дочки.

Ася не обижалась на маму, она ее жалела, потому что при всей ее веселости она нередко ночью громко плакала в своей комнате.

Мелодия закончилась, но Ася нажала кнопку и вернула диск к началу, чтобы снова услышать эти же звуки. Ей не хотелось уходить от воспоминаний детства, где была любовь и нежность по отношению к матери. Ей так хотелось, чтобы не было этих страшных лет их неприязни друг к другу, всего того, через что она прошла за годы эмиграции. А более всего ей хотелось, чтобы не было этой трагедии с Олегом и неизгладимого чувства своей вины в его смерти, которое, как шлагбаум, похоже, навсегда перекрыло ей путь к душевному покою.

Когда машина подъехала к гаражу, Нонна уже стояла у его двери, ожидая дочь.

Ася с букетом цветов радостно вышла из машины, и после радостных приветствий с объятиями и поцелуями мать и дочь вошли в дом. Со стороны их можно было принять за близнецов, настолько они выглядели схоже лицом, фигурой, походкой и возрастом из-за необыкновенной молодости матери.

Женщины расставили все принесенное для ланча на столик у бассейна и устроились в уютных креслах, приступив к трапезе. После недолгого, ничего не значащего разговора Нонна решила подобраться к главному, что ее беспокоило в жизни дочки сейчас.

— Доченька, — сказала осторожно Нонна, заглядывая дочке в глаза, чтобы понять, готова ли Ася к откровенности. — Я хочу тебе задать один вопрос, но если ты не хочешь, можешь не отвечать. Скажи мне, есть ли у вас с Майком планы оформить ваши отношения?

— Я пока сама не знаю, мама, — сразу ответила Ася, словно именно этого вопроса ждала.

— Но от кого это больше зависит: от тебя или от него?

— Думаю, что от него больше. Я думаю, что если б он мне сделал предложение, я бы дала положительный ответ.

— А ты сама определилась в своих чувствах?

— Думаю, что да, мама! Я его люблю... Ну, может, не так страстно, как Олега — это была единственная любовь моей жизни, — но Майка я люблю. Я думаю, что никогда не захочу его променять ни на кого, если он будет моим мужем. Мне с ним хорошо.

— Так в чем же дело?

— Дело в том, мамочка, что он не делает мне пока предложения. Я думаю, что основная причина в том, что он не хочет новых детей. У него уже есть трое от первого брака. Он с ними поддерживает постоянно отношения, они любят друг друга, им хорошо вместе. Они часто встречаются, ежедневно перезваниваются, и ему этого достаточно. И он понимает, что я хочу хотя бы одного ребенка...

— Да, доченька, я постоянно думаю об этом. У тебя возраст уже поджигает для первых родов.

— Я думаю, что Майк это тоже понимает, и это придает некоторый дискомфорт его жизни со мной.

— И ты думаешь, что Майк еще не решил, хочет ли он иметь с тобой ребенка, потому не делает предложение? — перебила Нонна дочь, поскольку ей рассказы о жизни Майка было совершенно неинтересны, особенно сейчас.

— Мамочка, тут все глубже.

— Что же глубже?

— Я не знаю, как тебе объяснить покороче. Понимаешь, мы пришли друг к другу из разных жизней. Я прошла через многое, мама. Ты даже не представляешь, через что я прошла, мама. Мы никогда с момента нашего приезда в Америку не были с тобой близки, как сейчас, и ты ничего не знала о моей жизни. Я прошла через многое: через взлеты и падения, через низкое и высокое. Я в Голливуде работала одно время массажисткой, ты знаешь... И ты не представляешь, какие у меня были мужчины, куда они меня возили, в каких гостиницах я жила.

Я все это воспринимала, мягко говоря, слишком романтически и наивно... Я уже грезила о сказочной жизни, о том, что меня кто-то приметит, выпустит на экран или на обложку журнала. Но ничего такого не произошло, как знаешь. Я решила уехать оттуда и чувствовала себя побитой и ничтожной. А в Нью-Йорке в разных тусовках начала себя самоуничтожать. В чем только я не участвовала, я перепробовала все наркотики.

— Ася сделала небольшую паузу, а Нонна чувствовала, что ее сердце может разорваться от сострадания к дочери. — Не знаю, что бы было, мамочка, — продолжила Ася, глядя в стол, который нервно протирала упавшим с дерева листом, — если б не встретила случайно на Бродвее Фаньку Костецкую. Ты ж ее помнишь, еще с Одессы... Когда мы встретились на Бродвее летом 1990 года, она уже работала врачом, а муж, с которым они незадолго до того поженились, начинал карьеру в университете. Фанька мне показалась такой доброй, чистой, спокойной, благополучной, как человек с другой планеты, на фоне моего самоощущения. У нее и в мыслях не могло возникнуть, какая дистанция нас разделяет, и она меня пригласила к ней домой на вечеринку.

Это была пятница, и я решила поехать. Как только я зашла в дом, я ощутила, как лазерный луч, сверлящие меня глаза незнакомого мужчины. Это, как ты догадалась, были глаза Олега. Он влюбился просто с первого взгляда. А через несколько дней после первой встречи сделал мне предложение. Он сказал, что поскольку его дети все самостоятельные, проблем с разводом не будет и, как только я приеду в Россию, куда он меня тут же пригласил, мы оформим официально наши отношения. Ему осталось два месяца до конца командировки, и мы жили вместе до его отъезда. Дальше ты все знаешь. — Ася снова заплакала. Нонна предложила ей выпить кофе. — Мама, мамочка, я не могу избавиться от этого чувства вины в его смерти, — рыдала Ася, — я не могу. Это чувство подчинило себе всю мою жизнь с того момента, как я узнала о смерти Олега. Я не могу сполна радоваться ничему в этой жизни.

— Но, доченька, так нельзя. Ты же не могла знать, что так случится. И вообще, пора уже не вспоминать это.

— Я просто к тому, чтобы ты поняла, что я к Майку пришла уже настрадавшимся, надломленным и многое повидавшим человеком. У Майка же все наоборот. Он из тех мужчин, которые из гадкого утенка, какими бывают в юности, превращаются в прекрасного лебедя в зрелости. Он был некрасивым в молодости (я видела его фотографии) и, комплексуя перед женским полом, рано, еще студентом, женился на некрасивой, старше его на несколько лет, дочке каких-то семейных друзей. Она была его первой и единственной женщиной, пока он не развелся. Он так был воспитан. Она ему родила троих детей, превратившись в сытую бабу, ограниченную бытовыми потребностями, то есть типичную обывательницу. Он же, наоборот, стал очень интересным, преуспевающим, привлекательным мужчиной с жаждой вкусить побольше от жизни, наверстать упущенное. Они разошлись, и он зарекся не жениться. Но встретил меня тогда у вас на пикнике, и это сломало его планы.

Ты знаешь, как было дальше: он сразу же пригласил меня в ресторан и... предложил переехать к нему жить. И вот мы живем согласно разным критериям отношения друг к другу. Я хотела в нем найти тихую пристань, а он во мне — карету для выезда. В браке он не то чтобы стыдился своей жены. У американцев как-то нет этого. Но ему просто неинтересно было с ней где-то появляться. Потому он всегда и всюду бывал один. А сейчас он покупает мне все самое дорогое и хочет, чтобы я везде сопровождала его — и на самых высоких приемах, и на вечеринках старых друзей, во всех поездках и служебных встречах. А мне ничего этого не нужно. Я через столько прошла, что вижу в этом только суету и не более того.

— Так что же ты хочешь, Асенька? — разволновалась Нонна.

— Я хочу детей.

— Но дочка, не мы ли, женщины, знаем, как можно завертеть любящего нас мужчину, чтобы он делал все, что мы хотим, думая, что он делает все по-своему.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, мамочка. Но пока не получается. Пока я чаще всего делаю то, что он хочет. И он тщательно контролирует эту ситуацию... Я стала думать вот о чем. Я слишком быстро согласилась переехать к нему. Я слишком легко ему досталась. А теперь я думаю, что, может, стоило бы нам на время расстаться. Может мне стоит вернуться на несколько недель в Нью-Йорк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.